

- [Эрик Фрэнк Рассел](#)

-

Эрик Фрэнк Рассел

Цепная реакция

Их небольшой, обтекаемой формы корабль был совершенной развалюхой. Он давным-давно выработал свой ресурс и годился только на металлолом. Сейчас он лежал в траве. На корпусе, по обе стороны от носа корабля, блестело его название — «Элси-2». За этим именем не скрывалось никакой романтики; просто удобочитаемое слово. К тому же оно звучало красивее технически правильного L. C. 2 — «корабль с дальним радиусом полета, модель 2» [* По-английски куда лаконичнее — Long-range Craft Number Two]. В центре корпуса, и тоже с обеих сторон, красовалось по серебряной звезде Космического Союза. Вместо звезды вполне можно было бы намалевать череп с костями. Никакой разницы, поскольку сейчас их рухлядь находилась в руках врага.

В плен к врагу попала и команда «Элси», состоявшая из семерых землян. Они понуро стояли в ряд. Разоруженные, предельно уставшие, земляне ожидали решения своей участи. Их стерегли два десятка кастанцев. Еще трое захватчиков обыскивали корабль — не прячется ли кто внутри. Кастанцы принадлежали к человекоподобной расе и вполне были похожи на людей, отличаясь от последних лишь громадным ростом. Самый маленький кастанец был чуть ли не на ярд выше самого высокого землянина, а их средний рост составлял от семи с половиной до восьми футов.

Земляне молча и угрюмо ждали, пока захватчики обыщут дряхлую «Элси», и слушали доносившийся оттуда тяжелый топот кастанских сапог. Наконец из входного люка, скрючившись, выбрался кастанский офицер, а вслед за ним вылезли двое солдат.

Офицер горделиво подошел к своим и обратился к кастанцу, у которого левый рукав мундира украшали три малиновых кружка. Земному уху язык кастанцев показался набором фыркающих и хрюкающих звуков. Затем офицер обвел глазами пленных и заговорил на *экстралингле* — общепринятом языке, на котором общались все разумные расы.

— Кто командовал вашим кораблем?

— Я, — ответил Фрэнк Уордл.

— Что-то не слышу слова «господин».

В ответ Уордл лишь холодно поглядел на него.

— Разговаривая со мной, все вы должны добавлять слово «господин», — потребовал офицер.

— Каково ваше звание? — равнодушно спросил Уордл.

Ладонь кастанца (она была величиной с лопату) улеглась на кобуру с массивным многозарядным револьвером.

— Тебя это не касается. Ты — пленный и отныне будешь делать то, что тебе велят.

— Обычно слово «господин» я добавляю, обращаясь к тому, кто старше меня по званию, — заявил Уордл, всем видом и тоном показывая, что знает свои права. — Поэтому командовать мной может лишь старший по званию.

Офицер заметно смешался. Зная своих начальников, ему было несложно догадаться, чью сторону они примут в споре о правах и привилегиях. Это только солдатам он кажется большим начальником. Самое скверное, что над ним полно старших офицеров. Возможно, лучше самому не проявлять инициативы, а предоставить начальству разбираться в этой щекотливой и небезопасной ситуации. Офицер мельком взглянул на солдат — не догадываются ли о его затруднениях. К счастью, нет: стоят с тупыми лицами и ждут приказаний.

Успокоившись, кастанец резко и властно произнес:

— Я не собираюсь пускаться в споры с пленником. Каждому из вас придется многому научиться, причем очень скоро.

— Да, наставник, — ответил Уордл.

Пропустив колкость мимо ушей, офицер продолжал:

— Сейчас вы пойдете туда, куда вас поведет сержант. Пойдете цепочкой, друг за другом, под охраной с обеих сторон. Малейшая попытка к бегству — и солдаты откроют огонь на поражение. Это понятно?

— Да.

— Переведи мои слова твоим товарищам.

— Незачем, они понимают эсктралингву. Жители Земли достаточно образованны.

— Жители Касты — тоже, в чем каждый из вас скоро убедится, — ответил офицер.

Он повернулся к сержанту.

— Увести пленных!

Экипажу «Элси» ничего не оставалось, как покорно двинуться вслед за сержантом. В десяти футах слева и справа шагала охрана. Тут не сбежишь и не захватишь оружие, тем более что позади топали еще четверо солдат.

Пленных вели по широкой тропе, вьющейся между высоченных деревьев. Земляне шли молча, разглядывая мир, где все имело другие размеры и пропорции. Футах в пятидесяти над их головами по ветке дерева пробежало какое-то юркое существо, похожее на ящерицу. Все тело существа было в кожаных оборках. Создание глянуло на идущих глазками-бусинками и несколько раз приветственно пискнуло. Никто из кастанцев даже не повернул головы.

Впереди покачивались могучие, не менее ярда, плечи сержанта. Бум-бум-бум — грохотали его тяжелые армейские ботинки двадцатого размера [* В пересчете на более привычную нам, т. н. штихмассовую систему это 53-й размер]. Земляне легко поспевали за ним: широкие шаги сержанта компенсировались тем, что он шел медленно. Слева, справа и сзади кастанскую почву колошматили ботинки солдат. Люди казались себе пигмеями, попавшими в ловушку к человекоподобным слонам.

Пройдя еще какое-то время, пленные увидели нечто вроде военного лагеря с полудюжиной строений. Тут же стоял военный грузовик. Землянам приказали влезть в открытый кузов со скамейками по бортам. Ноги пленных по-детски болтались, не доставая до пола. Охрана уселась напротив, не выпуская оружия из рук.

Грузовик ожил и выкатился на грунтовую дорогу. Езда была пыльной и тряской, пока они не выбрались на широкое мощеное шоссе. Водитель сразу же прибавил скорость. Они мчались часа три, ни разу не остановившись. Земляне продолжали молчать, но внимательно следили за местностью, на всякий случай запоминая обратную дорогу.

Резко свернув вправо, отчего пленников сбросило на пол, грузовик наконец вкатился в расположение военного городка и замер перед длинным каменным зданием. Солдаты облегченно вздохнули и пинками заставили землян спрыгнуть вниз. Вокруг грузовика собралась толпа зевак в форме. Кастанцы с нескрываемым любопытством глазели на необычных пленных, которых повели внутрь.

Но внутрь они попали не сразу. Сержант что-то профыркал и прохрюкал стоявшему у двери часовому. Часовой приоткрыл дверь и впустил сержанта. Вскоре в проеме показался кастанский офицер, обвел взглядом молчаливую семерку и снова исчез. Потом вернулся сержант, и пленных впустили внутрь. Сержант провел их по длинному коридору с высоким потолком и открыл какую-то дверь. В комнате за громоздким письменным столом сидели двое кастанских офицеров.

Офицеры минут двадцать шелестели бумагами, намеренно не замечая пленных. В этой тактике не было ничего нового. Обычный, заранее рассчитанный издевательский трюк, чтобы воздействовать на волю пленных и показать, кем они теперь являются. Никем. Двуногим мусором, от которого кастанцы могут в любой момент избавиться, словно от скомканных бумаг в корзине.

Решив, что желаемый эффект достигнут, один из офицеров поднял голову, недовольно поморщился и отпихнул бумаги в сторону. Затем он тронул за рукав своего коллегу, чтобы и тот снизошел и заметил присутствие землян.

— Кто говорит по-кастански? — спросил на своем родном языке первый офицер.

Пленные молчали.

— Кто-нибудь из вас знает экстралингву? — задал он новый вопрос.

— Они все знают, господин начальник, — вмешался сержант, не дожидаясь ответов пленных.

— Прекрасно! Тогда сразу же приступим к допросу.

Он взял ручку и наугад указал ею на одного из пленных.

— Вот ты. Как тебя зовут?

— Робер Шеминэ.

— Личный номер?

— 105697.

— Звание?

— Капитан.

Второй офицер торопливо записывал ответы. Первый дождался, пока он закончит, и указал на соседнего землянина.

— А ты кто?

— Уильям Холден.

— Личный номер?

— 112481.

— Звание?

— Капитан.

Ручка кастанца указала на третьего.

— Фрэнк Уордл. Личный номер 103882. Капитан.

Остальные пленные отвечали быстро:

— Джеймс Фоули. Личный номер 109018. Капитан.

— Олпин Маколпин. Личный номер 122474. Капитан.

— Генри Казазола. Личный номер. 114086. Капитан.

— Людовик Пай. Личный номер 101323. Капитан.

— Семеро капитанов на одном маленьком корабле, — усмехнулся кастанский офицер. —

Куда ни ткни — у землян сплошные начальники. Если не адмирал, то непременно капитан. И у каждого — явно по сорока медалей.

Он презрительно оглядел пленных, остановив взгляд на Уордле.

— Сколько у тебя медалей?

— Пока ни одной.

— Пока? Можешь распрощаться со всеми надеждами получить свои медали. Разве что мы вдруг спятим и наградим тебя.

Кастанец ждал ответа. Уордл молчал.

— У тебя нет медалей, но ты — капитан?

— Да.

— И все остальные — тоже капитаны?

— Да.

— Тогда кто же командовал кораблем?

— Я, — ответил Уордл.

— В таком случае с тебя и начнем, — бросил ему офицер. — Прежде всего я хочу знать, почему вы оказались здесь?

— Потому что нас взяли в плен.

— Я это и сам знаю, дурень! Я хочу знать, почему земной корабль залетел сюда, на Касту? По-моему, никто из нас не приглашал землян в гости.

— Мы находились в дальнем рекогносцировочном полете. Неожиданно двигатель корабля вышел из строя. Продолжать полет было опасно, и нам пришлось совершить посадку. Ваши солдаты захватили нас в плен прежде, чем мы успели произвести ремонт.

Уордл пожал плечами, показывая, что принимает случившееся как неизбежность.

— Удача изменила нам. Война есть война.

— Вам изменила удача? А мне кажется, вас подвела ваша никудышная техника. На нашем военно-космическом флоте такая ситуация была бы просто немыслима. Наш уровень технической надежности несравненно выше.

Кастанец вперился глазами в пленных. Те молча выслушали его тираду.

— Наши специалисты скоро придут на место посадки и оценят оснащение вашего корабля. Вряд ли они увидят там что-то достойное заимствования.

Уордл никак не ответил на эти слова.

— Итак, вы совершали разведывательный полет. Занимались шпионажем в космосе, так? И никак не ожидали, что окажетесь здесь?

Снова молчание.

— Космический Союз поставляет нам в избытке дешевую рабочую силу. На нас работают четыреста тысяч пленных. Конечно, такое пополнение, как семеро землян, ничего не изменит. Вы — низкорослые и слабые существа.

Офицер изучающе осмотрел каждого из семерых и пренебрежительно скривил губы.

— Но мы не брезгуем никаким пополнением. Во время войны каждая пара рабочих рук пригодится — даже если это руки капитанов с жиденькими мускулами.

Он повернулся к внимательно слушавшему сержанту.

— Этих немедленно отправить на Гатин. Все документы на них я пришлю следом, как только будут готовы.

Офицер махнул рукой. Сержант почтительно щелкнул каблуками и повел пленных к выходу. Им вновь пришлось забираться в кузов грузовика и рассаживаться на высокой скамье. Сержант и солдаты, как и в прошлый раз, сели напротив, держа оружие наготове. Грузовик выбрался на шоссе, где водитель сразу же дал максимальную скорость. Техника кастанцев была настолько совершенна, что от этого совершенства колесные оси жалобно поскрипывали.

Холден, скуластый горбоносый землянин, обратился к сержанту и спросил на экстралингве:

— А Гатин — это где?

— Там. — Сержант ткнул мясистым пальцем вверх. — Двенадцать дней полета. Угольные шахты, свинцовые рудники. Трудовой рай для мертвецов. — Он усмехнулся, оскалив крупные зубы. — Пленных не существует. Они мертвы, иначе не попали бы в плен.

— Ты понимаешь наш язык? — спросил Холден на земном языке.

Сержант тупо глядел на него.

Приветливо улыбаясь, Холден сказал:

— Ты просто большой, грязный и вонючий придурок, парень. Да здравствует Космический Союз?

— Что? — не понял сержант, изобразив на лице подобие улыбки.

— Слушай, плосконогий, разлапистый, дубоголовый кретин, — ответил Холден все с той же дружелюбной миной. — Я желаю тебе произвести на свет безнадежно косоглазых детей и закончить свою никчемную жизнь, утонув в дерьме. Да здравствует Космический Союз!

— Что ты говоришь? — повторил удивленный, но явно довольный сержант.

— Брось свои штучки, Билл, — вмешался Уордл.

— Заткнись! — огрызнулся Холден и, перейдя на экстралингву, предложил сержанту:

— Если хочешь, я могу немного поучить тебя языку землян.

Предложение сержанту понравилось, поскольку любые дополнительные знания увеличивали его шансы стать офицером. Чтобы не терять драгоценное время, Холден начал урок немедленно. Пленные и солдаты с интересом слушали, как Холден тщательно выговаривает слова и фразы, а сержант все в точности повторяет.

Сержант оказался весьма толковым учеником. Когда грузовик подъехал к космопорту, кастанец и Холден без труда могли попрощаться на земном языке.

— Чтоб тебе сдохнуть, жирная крыса! — крикнул Холден, отдавая честь на манер опереточного вояки.

Сержант, гордый своими лингвистическими способностями и полученными знаниями, ответил:

— Благодарю вас, мой повелитель! Да здравствует Космический Союз!

Через двенадцать дней пленные спускались по трапу корабля, доставившего их на Гатин. Уордл негромко сказал:

— Подведем некоторые итоги. Первое: мы до сих пор живы. Второе: мы точно знаем, где находится Гатин.

— Угу, — отозвался Холден. — Мы это знаем. Только добраться сюда было несравненно легче, чем выбраться.

— А это еще вопрос, — беспечным тоном возразил Уордл. — У нас есть значительное преимущество, о котором эти болваны даже не подозревают. Если ты не забыл, приятель, в космосе прочно утвердилось мнение: военнопленный становится живым мертвецом и безропотно смиряется со своей судьбой. Все расы считают это непреложным законом, кроме землян, которые, конечно же, совершенно чокнутые.

— В древности и на Земле кое-где придерживались такого же мнения. Японцы, например. С тех пор как они стали прямоходящими, плен у них считался позорнее смерти. И некоторые из них не могли пережить позора. При первом удобном случае они кончали с собой.

— Так когда это было! И потом...

— Молчать! — рывкнул грузный кастанец, стоявший у нижнего конца трапа рядом с часовым.

Он прищурился и сумрачно взглянул на пленных.

— А-а, земляне пожаловали? Мы слыхали о вас от стамитов и алюэзинцев, которые, — тут он самодовольно ухмыльнулся, — теперь являются нашими рабами. Мы их победили. Но наши рабы не говорили, что вы настолько малы ростом. Или нам нарочно прислали сюда семерку гномов?

— Ты прав, сынок, — успокоил его Холден. — Мы — семеро гномов. Белоснежка прибудет со следующим кораблем.

— Белоснежка? — Толстяк снова нахмурился и уткнулся в листы сопроводительных

документов, внимательно просматривая каждую страницу.

— У меня здесь документы на семерых землян. И ни слова о прибытии восьмого с этим кораблем или следующим.

— Должно быть, она не поспела на наш корабль, — предположил Холден, ухватившись за ниточку нового розыгрыша.

— Она? Так что, вместе с вами в плен взяли еще и женщину?

— Как видишь, не сумели. Она скрылась в лесу. — Лицо Холдена сияло от восхищения. — Никак не думал, что ей это удастся.

Кастанец шумно втянул в себя воздух.

— Вы на допросе сообщили что-нибудь о Белоснежке?

— Нет, сынок. Они нас не спрашивали.

— Недоноски! — Толстяк смачно плюнул. — А теперь придется посылать шифровку на Касту, чтобы там развернули тщательное прочесывание местности. Представляете, сколько времени и сил это отнимет?

— Аллилуйя! — с жаром произнес Холден.

— Что ты сказал?

— Я сказал: какая непростительная оплошность.

— Ты прав, — согласился толстяк и угрожающе добавил: — Когда ее схватят, она сполна заплатит за эту оплошность.

Кастанец вновь оглядел пленных и задержался на Людовике Пае.

— А ты чего хихикаешь? С мозгами не все в порядке?

— Это истерический смех, — пояснил Холден. — Он получил шок, когда нас брали в плен.

— Тьфу ты! — с нескрываемым презрением сказал кастанец. — Значит, вы слабаки не только телом, но и умом? Чуть что — сразу истерика? Алюэзинцы и стамиты хоть и отсталые расы, но мозгами покрепче вас будут. От истощения они еще могут свалиться в обморок, но не припомню, чтобы кто-то из них свихнулся.

Кастанца так распирало от презрения, что он опять смачно плюнул.

— Земляне!

Потом он махнул в сторону стоящего поблизости грузовика.

— Забирайтесь, недомерки!

Пленные забрались в кузов. Везли их точно так же, как на Касте: они сидели по одну сторону кузова, охрана — по другую. Однако местность отличалась от кастанской. Деревья здесь были поменьше и пониже, чем на Касте. Впрочем, землянам и эти деревья казались гигантскими. Растительность Гатина была гуще и скорее напоминала джунгли, сквозь которые тянулась безупречно прямая линия дороги.

Где-то на полпути им встретилась группа алюэзинцев, работавших рядом с обочиной. Их раса тоже была человекоподобной. По росту алюэзинцы были гораздо ближе к кастанцам, чем к землянам, но отличались заметной худощавостью. Те, кто видел алюэзинцев впервые, всегда удивлялись по-кошачьему узким зрачкам их глаз. Алюэзинцы вели ночной образ жизни, и только они знали, какая это пытка — работать днем, при ярком солнечном свете.

Грузовик немного замедлил ход, объезжая алюэзинцев. Холден, сидевший ближе к откидному борту, перегнулся через борт и во все горло крикнул:

— *Флореат Алюэзия!*

Алюэзинцы даже не взглянули в его сторону. Зато один из охранников двинул Холдену прикладом по колену.

— *Фошам губич!* — прорычал он на своем тарабарском языке.

— Пасть закрой! — ответил ему Холден на столь же непонятном кастанцу наречии Земли.

— Сам закрой! — приказал Уордл. — Хочешь, чтобы тебя пристрелили и швырнули за борт?

— Вам запрещается говорить на вашем языке гномов, — сказал толстый кастанец, ехавший вместе с пленными.

Он в очередной раз нахмурился, разделил свою хмурость на семь частей и вручил каждому землянину по большому куску.

— Все разговоры только на экстралингве. Так будет, пока вы не научитесь кастанскому языку.

— Жди! — ответил ему Холден, решивший последнее слово оставить за собой.

Офицер, к которому их привели, был выше и крупнее многих рослых и крупных своих соплеменников. Облегающую форму темно-зеленого цвета украшал витой серебристый шнур. На клапане верхнего кармана мундира были вышиты две небольшие белые стрелы. Широкое, тяжелое и несколько мясистое лицо кастанца сразу же приобрело подходящее грозное выражение.

— Я — начальник этой тюрьмы. Моя власть над вами безгранична. Боль, страдание, жизнь, смерть каждого из вас полностью находятся в моих руках. А потому, чтобы подольше жить и поменьше страдать, вы должны всячески и постоянно угождать мне. Запомните: отныне единственная цель, единственный смысл вашего существования — угождать мне.

Красуясь перед землянами и перед собой, начальник тюрьмы расхаживал взад-вперед по ковру. Каждый шаг выбивал из ковра маленькое облачко пыли.

— До сих пор землян у нас здесь не было. Да и вы, как я посмотрю, работники так себе. Вряд ли вы отличаетесь силой и выносливостью. Но мы находим работу для всех. Найдем и вам. Мы победили, а потому вполне заслужили эту награду. Вы потерпели поражение. Так прочувствуйте на своей шкуре, что это такое.

Холден открыл было рот, но тут же закрыл. Уордл с силой наступил ему на ногу, сдавив пальцы.

— Сейчас вас отведут в камеру, — закончил церемонию встречи кастанец. — Утром вас допросят и выяснят, что вы умеете делать и на что годитесь. После этого мы решим, чем каждый из вас будет заниматься.

Начальник тюрьмы сел, откинулся на спинку чудовищно тяжелого кресла, всем своим видом показывая, до чего же ему скучно.

— Сержант, увести пленных, — приказал он.

Их вывели на середину обширного бетонного двора, выстроили в шеренгу и велели ждать. Ожидание длилось почти час. Двор с четырех сторон окаймляли десятиэтажные тюремные корпуса, построенные из толстых каменных плит. За корпусами виднелась стена высотой не меньше шестидесяти футов. Двор был совершенно пуст.

Наконец откуда-то появился гвард-майор и повел пленных в корпус, находившийся справа. По каменным ступеням они поднялись на шестой этаж, прошли по коридору и очутились во вместительной камере. Стены камеры также были каменными.

— Вы понимаете по-кастански?

Земляне молчали.

— Экстралингва?

— Да, — ответил Уордл, говоривший от имени всех.

Гвард-майор вытянулся во весь рост, выпятил грудь и объявил:

— Я — гвард-майор Словиц, начальник этого корпуса. Ваша жизнь и смерть целиком находятся в моих руках. И потому, чтобы протянуть подольше, вы постоянно будете стараться

угождать мне.

— Поскольку это является единственной нашей целью, — подсказал Холден.

— Что?

— Я хотел сказать, что мы понимаем, — с непроницаемосерьезным лицом ответил Холден. — Нашей единственной целью будет постоянно угождать вам, гвард-майор Слобович.

— Словиц, — поправил кастанец и продолжал: — Вы останетесь в камере, пока не услышите удары большого колокола. Тогда вы выйдете во двор и примкнете к очереди остальных заключенных, чтобы получить свой ужин. Это понятно?

— Да, — поспешил ответить Уордл, не дав словоохотливому Холдену раскрыть рта.

— Еды у нас хватает на всех, поэтому не пытайтесь пробраться к раздаточному пункту без очереди. Всех, кто попытается хитростью или силой проникнуть туда раньше положенного времени, мы быстро вразумим плеткой. Это тоже понятно?

— Да, гвард-майор Слобович, — заверил его Холден, не желавший признавать за Уордлом права говорить от имени всего экипажа.

— Словиц, — прорычал гвард-майор, сердито зыркнув на него глазами.

Затем он покинул камеру, шумно хлопнув дверью.

— Смотри, чтобы в один прекрасный день ты не попался в свою же западню, — тоном предсказателя заметил Холдену Уордл.

— А я уже попался. Добровольно согласился лететь, зная, на каком корыте мы полетим. Разве не так?

— Так. Но лучше, если ты не будешь понапрасну дразнить гусей.

В камере стояло двенадцать грубо сколоченных коек, напоминавших деревянные ящики, перевернутые вверх дном. На каждой поперек девяти футов плохо обструганных досок лежало девять футов вытертого, сомнительной чистоты одеяла. В дальнем конце камеры помещалась ржавая раковина, над которой торчал кран.

— Номер со всеми современными неудобствами, — пробурчал Фоули, сильнее других страдавший от тягот военной службы с ее отсутствием комфорта.

— Двенадцать коек, а нас только семеро, — сказал Олпин Маколпин. — Интересно, не поделят ли к нам стамитов или алюэзинцев? Это было бы очень здорово: мы могли бы сразу вступить с ними в контакт.

— Подождем. Торопливость нам ни к чему, — возразил Уордл.

Он подошел к двери и попытался ее открыть. Дверь не поддавалась.

— Самозащелкивающийся замок. Дверь из прочного металла. М-да! Я бы не удивился, если бы этот гвард-майор вообще оставил бы ее открытой.

Уордл направился к одному из четырех окон. Решеток на них не было. Обыкновенные рамы на петлях. Он взялся за косяк и довольно легко открыл окно. Бежать? Нет ничего проще, если имеешь крылья. С крыльями отсюда убежал бы даже слон.

Остальные тоже подошли к окну и высунули головы наружу. Отвесная стена: шесть этажей вниз, четыре вверх. И никаких карнизов, никаких выступов. Ни одной расщелины или трещины.

Внизу лежало сорок футов пространства, покрытого твердым бетоном. Прыгнуть туда было бы равнозначно прыжку на тот свет. Пространство оканчивалось внешней стеной. Значит, их камера выходит не во двор. Есть ли в этом какие-то преимущества или нет, пока было неясно.

Они не ошиблись: внешняя стена действительно была никак не меньше шестидесяти футов. Пол их камеры был на пару футов выше, что позволяло землянам обозревать не только парапет стены, но и приличный кусок окружающей местности.

Подсчеты продолжались. Ширина парапета достигала примерно пяти футов. По его краям, съедая по футу с обеих сторон, тянулось окаймление: тройной ряд металлических шипов

высотой шесть дюймов. И только три фута оставалось на узкий проход. По нему-то и вышагивали часовые. Казалось, их больше занимает происходящее за пределами тюрьмы, чем внутри нее.

— Знаешь, я нашел простой способ легко сбросить этих остолопов со стены, — сказал Фоули, тронув за рукав Холдена.

— Как ты это сделаешь?

— С твоей помощью. Ты что-нибудь крикнешь, чтобы привлечь внимание часового. Он повернет голову, увидит твою жуткую физиономию, упадет в обморок прямо на шипы, а оттуда — вниз. И все, труп готов.

— Умнейшая речь. Годами не слышал таких перлов, — поморщился Холден, — Мне так и хочется от восторга кататься по полу.

— Будет вам языками чесать, — вмешался Уордл.

Он сел на край койки.

— Оценим положение, в котором мы оказались.

Остальные шестеро тоже сели и приготовились слушать.

— Я еще на Земле слышал от экспертов, что Космическому Союзу очень досаждают одна особенность менталитета здешних рас. Она присуща и нашим союзникам, и нашим врагам. Мы, земляне, в этом отношении существенно отличаемся и от тех, и от других. Не знаю, уникальны ли мы, или когда-нибудь нам встретится раса, обладающая здравым смыслом, схожим с нашим. Согласны?

Его товарищи кивнули.

— Продолжаю. Кастанцы, и не только они, убеждены: попасть в плен — значит обречь себя на позор и бесчестье. Даже освобожденные из плена отказываются возвращаться домой. Их близкие скорее предпочтут оплакивать погибшего, чем принять того, кто, по их мнению, опозорил себя пленом. Поэтому пленные и не пытаются бежать. Ради чего? Правда, для некоторых из них побег — удобный способ быстро и без лишнего шума уйти из жизни. Короче говоря, мы обладаем преимуществом, которого нет у наших союзников. Верно?

Все снова кивнули.

— И стамиты, и алюэзинцы учитывают лишь убитых и раненых. Официально у них нет ни попавших в плен, ни пропавших без вести. Смотрите, что получается: в плену на Гатине томится мощная, боеспособная армия, солдаты и офицеры которой у себя на родине давно записаны в покойники. Да и они сами тоже записали себя в покойники. — Уордл помолчал и с усмешкой добавил: — И они еще называют землян чокнутыми!

— Не будь мы чокнутыми, разве мы бы тут оказались? — вставил Холден.

Уордл оставил его замечание без ответа.

— Эксперты правильно нам предрекали: если мы окажемся в плену, врагам и в голову не придет, что мы будем мечтать о побеге. Только если кому-то из нас станет невыносимо жить дальше. вспомните, что искали кастанцы, когда взяли нас в плен? Оружие, документы, но только не вещи, которые могут пригодиться для побега. Мы в этом сами убедились.

— Угу, — подтвердил Холден, нащупывая карманные часы, которые только внешне напоминали карманные часы.

— Эксперты утверждали: все, что нужно врагам от пленных, — это их полное и беспрекословное подчинение. Работа спустя рукава — других сложностей пленные кастанцам не доставляют. Неудивительно: у пленных, которые сами себя записали в мертвецы, хватает ума не выбиваться из сил. Они делают ровно столько, сколько положено. И забот у кастанцев до сих пор было только две: медленная работа пленных и довольно редкие случаи самоубийства. Им и не снились различные формы забастовок, саботажа, не говоря уже об организованных побегах и

прочем. Нашей психологии кастанцы не знают. Подумаешь, горстка слабосильных землян!

Уордл задумчиво почесал подбородок.

— Выходит, пока что наши всезнайки-эксперты на Земле были правы. Мы в этом убедились на своей шкуре. Так?

— Угу, — за всех ответил Холден.

— Отлично! Теперь нам предстоит убедиться, что и все остальные их рассуждения верны. Если нет, тогда наше дело дрянь. Тогда нам придется задержаться здесь до самой смерти.

Уордл загнул палец и перешел к следующему пункту.

— Наши дорогие эксперты утверждают, что кастанские тюрьмы построены и оборудованы ничем не хуже наших, но имеют одно существенное отличие. Их система охраны ориентирована главным образом на отражение возможных внешних атак. Как мы уже говорили, ни о каких внутренних бунтах тюремщики и знать не знают. Они допускают, что Космический Союз может напасть на их тюрьмы, но не ради освобождения пленных, а с целью лишить кастанскую экономику дармовой рабочей силы.

— Все это — не более чем догадки и прикидки на будущее, — вмешался Олпин Маколпин. — Я бы не стал полагаться на оценки каких-то там экспертов. Хорошо им сидеть на Земле и рассуждать о менталитете кастанцев, которых они и в глаза не видели. Нам нужно самим накапливать факты и сопоставлять. И самим делать выводы.

— Об этом я и говорю. — Уордл выразительно поглядел на Холдена. — На какое-то время нам придется стать смиренными и послушными. Превратиться в усердную рабочую скотину и одновременно за всем наблюдать и все подмечать. То, что происходило с нами до сих пор, вполне подтверждает мнение экспертов о кастанцах.

— А чего ты так уставился на меня? — недовольным тоном спросил Холден.

— Да потому что ты у нас слишком шаловливый мальчик. Тебе, как и остальным, нужно играть свою роль, а тебя несет в опасную импровизацию.

— Плевать мне на роли! Мне что, пресмыкаться перед этими кастанцами? Моя ступень эволюции намного выше, чем их.

— Наша, между прочим, тоже. Но нам до поры до времени придется скрывать этот драгоценный факт. Хорошие манеры — это искусство делать вид, что ты ни в чем не выше других.

Услышав эти слова, Фоули во все горло расхохотался.

— Ты рассуждаешь, как тибетцы.

— Это почему? — спросил Уордл.

— Они стремятся не показывать своего превосходства даже над яками.

Со стороны двора гулко заухал колокол.

— Наш ужин, — объявил Фоули, направляясь к двери. — Тюремная трапеза. Посмотрим, как мы будем смеяться после нее.

Щелкнула открывшаяся дверь. Земляне вышли в коридор, где не было ни души, и спустились во двор. Там их встретил охранник и вручил каждому деревянную миску и деревянную ложку.

— С посудой обращаться бережно. Потеря или порча влекут серьезное наказание.

Указательный палец охранника, напоминающий средней величины банан, прочертил в воздухе кривую и застыл, достигнув нужной цели.

— Вы всегда будете вставать в очередь вон за теми стамитами. Всегда, если только вам не прикажут поменять группу.

Земляне побрели по двору и пристроились к концу указанной им очереди, состоящей из

стамитов. Очередь, змеясь, уходила вперед ярдов на двести, втекала в проход между тюремными корпусами и заворачивала в сторону тюремной кухни. Поблизости медленно ползли еще четыре таких же очереди: одна целиком состояла из стамитов, две — из алюэзинцев, а последняя была смешанной.

Стамиты, как и алюэзинцы, были человекоподобной расой и ростом заметно превосходили землян. Эта схожесть облика уже давно никого не удивляла. Все разумные виды жизни, до сих пор встреченные в исследованной части Вселенной, развивались на планетах земного типа и отличались от людей лишь ростом и незначительными особенностями в строении тела. Об этом было написано великое множество книг с весьма претенциозными названиями вроде *Человекоподобие как доминирующая форма развития разумной жизни во Вселенной*.

Однако схожесть в облике отнюдь не сопровождалась схожестью менталитетов. Стамиты были превосходными бойцами, но не отличались воинственностью и агрессивностью кастанцев. В отличие от алюэзинцев они не вели ночного образа жизни. У них напрочь отсутствовало столь ценное землянами чувство юмора. Шуток стамиты не понимали. Их расу отличали серьезность и глубокая рассудительность, а потому в их литературе размышления преобладали над действиями. Музыка стамитов была полна мрачноватой гармонии и предназначалась не столько для ушей, сколько для внутреннего состояния слушающего.

Холден слегка толкнул стоявшего перед ним стамита. Тот обернулся и склонил голову, поскольку был заметно выше Холдена. Своим мрачным, скорбным видом стамит напоминал чле-на-учредителя какого-нибудь «Общества завзятых пессимистов».

— Привет, дружище. Как здешняя кормежка? Вы довольны? — спросил Холден.

— Плохо и мало.

— Так я и думал.

— Значит, теперь они берут в плен и землян, — заключил стамит. — Неужели у них такие значительные успехи, *хунэ*? Выходит, мы почти проиграли войну. Так, *хунэ*?

— А тебе-то что печалиться? Ты ведь уже угодил к крокодилам.

— *Крокодиллум*? Простите, я не понимаю этого слова.

— Так называют улыбающегося кастанца, — пояснил Холден. — Только не говори, от кого ты это услышал.

Очередь медленно ползла вперед. Откуда-то появилась новая группа стамитов и встала позади землян. Они стояли молча, не проявляя никакого любопытства к землянам и не пытаясь заговорить с новичками. Если их спрашивали, стамиты отвечали, но односложно. Каждый из них страдал от недоедания. Куда ни глянь — везде безучастные лица с потухшими глазами. Одежда стамитов и алюэзинцев была одинаково истрепавшейся. Далеко не у всех была обувь.

У раздаточных окошек кухонного барака стояли бесстрастные алюэзинцы — по паре возле каждого из двадцати дымящихся котлов. Они механически орудовали черпаками. Один взмах, и черпак почти полностью наполнял миску. За раздачей зорко следила многочисленная кастанская охрана.

Холден первым из землян получил свою порцию варева. Он пригляделся к содержимому миски, понюхал его и хрипло спросил:

— Из чего вы варите это пойло?

— Что? — не понял ближайший к нему охранник.

— Это же вопиющий позор, а не еда. Понял, драндулет двуногий?

— Вам запрещается говорить на своем языке, — проворчал кастанец. — Все разговоры только на экстралингве.

Взяв наполненные миски, земляне пробрались сквозь живые цепочки очередей и последовали примеру остальных пленных, ужинавших, сидя прямо на бетоне двора. Зачерпывая

ложками содержимое, все почти одновременно отправляли его в рот. На вкус здешнее варево напоминало овощной суп. В мисках плавали бесформенные куски какой-то массы. По-видимому, они и были теми самыми овощами. Неизвестно, как воспринимали запах этого варева стамиты и алюэзинцы, но землянам он навевал воспоминания об ароматах зоопарка.

Проглотив ужин (об аппетите на неопределенное время можно было забыть), земляне вымыли под краном миски и ложки и неспешно побрели по двору, ожидая, что будет дальше. Некоторое время картина оставалась более чем заурядной: кто-то поужинав, слонялся по двору, кто-то сидел и ел, а кто-то еще продолжал стоять в очередях, дожидаясь своей порции пошла. Когда все пять очередей растаяли и последние пленные отошли от раздаточных окошек, сжимая в руках наполненные миски, двор охватило странное возбуждение. Внешне оно было почти незаметным. Однако повсюду ощущалась непонятная напряженность.

Потом один из охранников возле кухонного барака прорычал что-то невразумительное. И сейчас же туда со всех ног бросилась толпа пленных. Шум бегущих ног перемежался с выкрикиваемыми приказами, кастанскими ругательствами и свистом плеток. Вскоре толпа побрела в обратную сторону.

Возле землян остановился алюэзинец с воспаленными от усталости глазами. Он сел, поднес миску ко рту и стал жадно пить. Потом он вздохнул, откинулся назад, уперся локтями в пол и равнодушно оглядел двор. Одежда алюэзинца была черной от угольной пыли. По грязному лицу тянулась кровоточащая полоса — след удара плетью.

Уордл повернулся к нему и спросил:

— Почему возникла эта суматоха?

— Сверх, — только и сказал алюэзинец.

— Сверх? — удивился Уордл. — Что сверх?

— Суп, — ответил пленный. — Бывает, после положенной раздачи в котлах остается немного супу. Тогда охранники кричат по-кастански: «Кому добавки?» Первым из подбежавших достается несколько глотков.

— И ради этих глотков вы, как звери, побежали к кормушке?

— Мы — пленные, — мрачно-рассудительным тоном напомнил алюэзинец, — А пленный — тот же зверь. Кем же еще ему быть?

— Воином, — сердито бросил Уордл.

— Не имея оружия и утратив честь? Глупые слова.

Алюэзинец встал и поплелся прочь.

— Слышали? — спросил Уордл, оглядывая товарищей. — Теперь понятно, против чего нам придется сражаться?

— Философия скотов, — презрительно сморщился Холден.

— Мы не вправе их упрекать, — предостерег Уордл. — Все это им внушается с самого детства. К тому же алюэзинцам приходится труднее всех. Они вынуждены работать в то время, когда привыкли спать, и наоборот. Из-за этого плена все в их жизни перевернулось вверх тормашками. Не удивлюсь, если и тот алюэзинец чувствует себя на последнем издыхании.

— Да и стамитам не намного легче, — включился в разговор Людовик Пай. — Я тут перебрался словами вон с тем парнем. — Он указал на долговязую фигуру со скорбно опущенными плечами, идущую так, как идут за гробом. — Рассказал мне, что находится здесь уже четыре года, работает, как лошадь, а мяса не видит даже во сне.

— Ну вот вам и еще одно небольшое наше преимущество, — заметил Уордл. — Порции кастанского вонючего варева рассчитаны так, чтобы пленные не потеряли работоспособность. Но какие пленные? Стамиты и алюэзинцы, которым требуется вдвое больше пищи, чем нам. Разумеется, наши тюремщики не будут из-за семерых землян перестраивать всю систему

раздачи. Мы получаем порции наравне с остальными. Значит, если стамиты и алюэзинцы находятся в полуголодном состоянии, мы будем недоедать лишь на четверть.

— При таком количестве наших преимуществ странно, что кастанцы еще не капитулировали, — язвительно бросил Пай.

— Будь уверен, приятель, они обязательно капитулируют, — заверил его Холден.

Уордл встал.

— Пока все складывается удачно, начнем действовать. Предлагаю разойтись в разные стороны и попытаться выудить из пленных дополнительные сведения. Заговаривайте с каждым, в чьих глазах есть хоть искорка жизни. Нам нужно выяснить, есть ли среди этой массы старшие офицеры и, если есть, сколько их.

Предложение было здравым и не вызвало возражений. Земляне разбрелись по двору. Первым в попытках завязать разговор, как всегда, оказался Холден. Он заметил стамита, который выглядел чуть бодрее остальных. Холден направился к нему и сразу же спросил:

— В этой дыре есть старшие офицеры?

— Конечно. Начальник тюрьмы. Разве вы не видели его, когда вас сюда привезли?

— Я спрашиваю не про Фестерхеда и его прихвостней. Есть ли старшие офицеры среди заключенных?

— Нет.

— Как это понимать? Их направили в другую тюрьму?

— Здесь нет офицеров, поскольку у заключенных нет званий, — терпеливо, будто последнему идиоту, объяснил стамит. — Здесь мы все имеем одно звание — пленные. Офицеры остались в прошлом.

— Вот оно что, — пробормотал Холден. — Что ж, по-своему вы правы.

Он нахмурил брови и двинулся дальше. Ему расхотелось заниматься расспросами. Через какое-то время Холден увидел Казазолу — самого молчаливого из семерки. Казазола говорил лишь в редких случаях, когда без слов было уже никак не обойтись.

— Представляешь, они считают, что раз попали в плен, о чинах надо забыть. И потому у них нет офицеров, — сказал ему Холден.

Казазола лишь скорчил рожу и пошел дальше. Заметив Фоули, Холден направился к нему и слово в слово повторил то, что говорил их молчуну.

— Будет врать! — поморщился Фоули и пошел продолжать свои бесплодные расспросы.

Вскоре Холдену стало скучно. Выбрав укромный уголок, он сел, скрестив ноги, зажал миску между колен и начал стучать по ней ложкой, заунывно подвывая тоненьким голоском:

— Мамка нэту, папка нэту. Пожалей минэ, гаспадин, подай во имя Аллаха.

— Сколько раз повторять, что ваш язык гномов здесь запрещен?

Приказ прозвучал откуда-то сверху. Глаза Холдена уткнулись в сапоги двадцатого размера. Подняв голову, он увидел хозяина сапог.

— О, добрый вечер, гвард-майор Слобович.

— Мое имя произносится *Словиц*, — заорал гвард-майор, обнажая лошадиные зубы.

Щелкнула дверь камеры, заперев их на ночь. Пять коек так и остались пустыми. Уордл долго глядел на них, потом сказал:

— Одно из двух: либо кастанцы еще не успели заполнить этот корпус тюрьмы своими рабами, либо они намеренно отделили нас от остальных пленных. Первая догадка лучше.

— Какая разница? — спросил Пай.

— Разница есть. Если нас поместили в отдельную камеру, значит, кастанцам известно о землянах больше, чем мы думали.

Возможно, они знают и о нашей военной тактике. Мне предпочтительнее, чтобы враг был большим, неуклюжим и тупым.

— Вряд ли они знают о нас много, — пустился возражать Пай. — Кастанцы — самая сильная и многочисленная из известных нам рас. Под их владычеством находится около шестидесяти планет в разных частях Вселенной. Однако кастанская разведка еще никогда не совала свой нос в наши пределы. Им хватало бесконечных войн со стамитами и алюэзинцами. И пока нас поблизости не было, они знали о нас лишь по слухам.

Пай пренебрежительно фыркнул.

— Держу пари, они вдоволь напозлались по «Элси» и решили, что лучшего мы не имеем.

— Не выношу, когда говорят скабрзости о женщинах, — поморщился Холден, изображая из себя блюстителя морали.

Уордлу было не до шуток.

— Мы теперь сами убедились, что эксперты совершенно правильно обрисовали нам психологию союзников. Никто из стамитов и алюэзинцев и пальцем не пошевелит, чтобы вернуться домой. Они прекрасно знают, что ждет их на родине. Отвергнутые собственной семьей и обществом, без гроша в кармане, они станут изгоями. Им нет смысла бороться за свободу.

— Пока нет смысла, — возразил Холден.

— Скоро он появится. Эксперты думают, будто они нашли способ пробить брешь в сложившихся представлениях союзников. Перспективы заманчивые: Космический Союз становится сильнее, а кастанцам приходится поджечь хвост. В теории это так. Нам нужно добиться практических результатов. Мы попали, можно сказать, в самую гущу событий. Как вы, мальчики, оцениваете наши шансы?

— Делать выводы еще слишком рано, — высказал свое мнение Холден, — Нужно пообтереться недельку, тогда многое станет понятнее.

— А я, честно говоря, не верил нашим земным умницам, — признался Пай. — Оказалось — чистая правда. Буквально до мелочей. Толпа изможденных зомби — вот кто эти пленные сейчас. Нам придется совершить чудо, иначе не назовешь. По-моему, работенка не из легких.

— Конечно, если считать психологию стамитов и алюэзинцев непреодолимой преградой, — ответил ему Уордл. — Это же известный трюк: стоит только допустить мысль, что задача трудна, и трудности в ее выполнении вылезут из всех щелей. А ты постарайся мысленно ее упростить.

— Что ты хочешь этим сказать?

— И стамиты, и алюэзинцы, по сути, — превосходные воины, храбрые и смелые. Но... только до тех пор, пока у них в руках оружие и — что еще важнее по их представлениям — они не утратили личной чести. Стоит их разоружить и дать коленкой под зад — все, личной чести как не бывало. Все их лучшие качества летят коту под хвост из-за какого-то племенного обычая, возникшего неизвестно сколько веков назад.

— Но, согласись, это же глупо.

— У нас тоже есть освященные временем бессмысленные обычаи. Возможно, когда-то, в незапамятные времена, эти обычаи были разумными и полезными. Тогда все определяла физическая сила, и слабые становились опасной обузой. Но потом появились взрывчатые вещества, паралитические газы и представления о войне в корне изменились. Между нами и остальными пленными есть всего лишь одно различие. Нас можно раздеть догола, и все равно у нас останется нечто, чего они лишены.

— Что именно?

— Невидимое и неосязаемое качество, называемое боевым духом.

— Гм, — только и сказал скептически настроенный Пай.

— Пленные либо обладают им, либо не обладают, — продолжал Уордл. — Толпа, которую мы видели во дворе, его лишена. Они не виноваты; они — жертвы укоренившихся представлений. Им никогда ни о чем подобном не говорили. Либо они просто слепы. Нам нужно помочь им прозреть и ясно увидеть, что боевой дух существует и что его нельзя отнять вместе с оружием.

— Ты говоришь известные вещи, — посетовал Пай. — Мне довелось провести пять лет на милой планетке по имени Гермiona. Может, все вы слышали, что гермионцы отличаются поразительной зоркостью, однако различают только черный и белый цвета да еще оттенки серого. Мы же не станем упрекать их за это, если их цивилизация сформировалась вот в таких условиях. Ты можешь распинаться перед ними до скончания времен, но так и не объяснишь им, что такое краски мира, и не убедишь их, чего они лишены.

— Не путай одно с другим. Мы не собираемся наделять стамитов и алюэзинцев неким качеством, которого у них никогда не было. У нас другая задача: восстановить то, что они утратили. То, чего им было не занимать, пока у них в руках находилось оружие. Не спорю, наша задача — не из легких. Но она не является безнадежной.

— Как это понимать?

— Ты о чем?

— О слове «безнадежный».

— Забудь о нем, — усмехнувшись, посоветовал Уордл, — Такого слова не существует.

Холден наклонился к Паю и тоном благовоспитанного отличника сказал:

— Слышишь, что говорит наш наставник? Нет такого слова.

Уордл подошел к окну и выглянул наружу. Стемнело, и на темно-синем, с фиолетовым оттенком, небе высыпали звезды. Часть неба была залита бледно-желтым светом — это взошла одна из трех лун Гатина.

По всему парапету внешней стены горели фонари, дававшие узкий, горизонтально направленный свет. Освещение предназначалось исключительно для часовых, чтобы те не оступились и не грохнулись с высоты шестидесяти футов.

— Нужно выяснить, с какими интервалами ходят часовые, — сказал Уордл, — Придется спать поочередно. Мы должны как можно быстрее узнать все подробности их ночных обходов.

— Нам не помешает где-нибудь раздобыть небольшой ящик, а еще лучше — трехфутовую стремянку.

— Зачем? — не понял Уордл.

— Рано или поздно нам понадобится скинуть кого-то из часовых вниз. Тому, кто этим займется, явно потребуются стремянка. Как еще ты сбросишь верзилу ростом в восемь футов? Столько всего надо обдумать — просто голова кругом.

Выбрав себе койку, Холден растянулся на ней и глянул по сторонам. На соседней койке лежал неисправимый молчун Казазола.

— Парень, ты по прежнему с нами? — спросил Холден. — Ты ведь у нас — как розочка среди сорняков.

Казазола не удостоил его ответом.

Ранним утром землян осчастливил своим визитом импозантный гвард-майор Словиц. Он широко распахнул дверь, шагнул в камеру и ткнул каждого из спящих рукояткой плети.

— Немедленно вставать и одеваться. Потом во двор, на утреннюю раздачу пищи. Сразу после еды всем построиться у командного корпуса.

Рукоятка плети еще несколько раз уткнулась в драные одеяла.

— Это понятно?

— Понятно, — ответил Уордл.

Словиц величественно удалился. Фоули высунул голову из-под одеяла, звучно зевнул и сел на койке, потирая покрасневшие глаза.

— Что он там сказал?

— Чтобы не залеживались и топали ням-ням, — сообщил Уордл.

— После завтрака мы приглашены к Фестерхеду на коктейль, — добавил Холден.

— Лучше уж ко всем чертям, — огрызнулся Фоули. — Что Фестерхеду от нас понадобилось?

— За скромную плату я поделюсь с тобой этим секретом, — пообещал Олпин Маколпин.

Вчерашняя процедура повторилась. Через какое-то время очередь вывела их к кухонному бараку, где каждому налили по миске вонючего супа. Земляне уселись на пол и принялись завтракать.

— Нравится, хунэ? — спросил сидевший поблизости стамит.

Бедняга здорово дошел; похоже, лакание этого пойла было последней из оставшихся у него радостей жизни.

— Что тут может нравиться? — накинулся на него Фоули. — Воняет, впору нос зажимать.

— Прямое оскорбление желудка, — поддержал товарища Шеминэ.

— У нас даже свиньи такое жрать не станут, — заявил Людовик Пай.

— Гордитесь! Вас превратили в стаю псов, грызущихся из-за объедков! — во весь голос прокричал Холден.

Слов его никто, кроме землян, не понял, но десять тысяч пар глаз моментально повернулись в его сторону, а десять тысяч деревянных ложек застыли над мисками. К нарушителю спокойствия бросились охранники.

— Что это значит? — спросил первый из подбежавших кастанцев.

Бегать ему приходилось редко, и сейчас он сильно запыхался.

— Что именно? — с ласковой улыбкой идиота спросил Холден.

— Ты кричал. Почему ты кричал?

— Я всегда кричу по четвергам, спустя два часа после восхода солнца.

— Что такое четверги?

— Святые дни.

— А зачем надо кричать?

— Это моя религия, — лучась благочестием, ответил Холден.

— У пленного нет религии, — важно произнес охранник, — И больше не вздумай кричать.

Охранник удалился вместе с остальными кастанцами. Десять тысяч пар глаз потеряли всякий интерес к Холдену, а десять тысяч пар ложек вновь стали черпать варево из мисок.

— Этот балбес настолько туп, что принял глину за название планеты [* Можно вполне понять кастанского охранника, поскольку в оригинале стоит fuller's earth — сукновальная глина (особый сорт глины, применяющийся для отбеливания сукна, а также для очистки нефтепродуктов)], — потешался Холден.

Стамит, который недавно восторгался баландой, беспокойно огляделся по сторонам и заговорщически прошептал:

— Знаете, что я вам скажу? Все земляне — сумасшедшие.

— Не все, — возразил ему Уордл. — Только один из нас. Всего один.

— И кто это? — поинтересовался стамит.

— Не подлежит разглашению, — ответил Холден. — Военная тайна.

— У пленных не может быть тайн, — с солидной долей уверенности заявил стамит.

— У нас есть! — Холден шумно облизал губы. — Нравится, хунэ?

Стамит встал и благоразумно удалился. Вид у него был несколько ошалелый.

— И это ты называешь быть смиренным и послушным? — накинулся на Холдена Уордл. — А что же будет, когда мы решим показать характер? Кстати, ты не имел чести принадлежать к племени малолетних правонарушителей?

Холден невозмутимо доел свой суп.

— Насколько помню, мы не говорили о безграничном послушании. Мы же боремся за состояние сознания этих пленных. Их покорность сидит у меня, как кость в горле. Чем раньше мы выйдем их из спячки, тем лучше.

— В чем-то ты прав. Но нужно действовать разумно и осмотрительно, чтобы не наломать дров и не выдохнуться самим. Мы должны показать стамитам и алюэзинцам, что они способны одержать победу и вернуть уважение к самим себе. Если же все наши слова и поступки они начнут считать безумными выходками и бредом сумасшедших, мы только усложним себе задачу.

— А если мы начнем улыбаться направо и налево и заискивать перед всем и каждым, мы тоже далеко не продвинемся.

— Ладно, поступай, как знаешь, — сдался Уордл.

Стамиты и алюэзинцы строились в колонны. Охранники выводили их через центральные ворота. Ряды были плотно сбитыми. Миски и ложки пленные несли с собой. Скорее всего, инструменты они оставляли там, где работали. Охранники без конца подталкивали пленных, заставляя их двигаться быстрее. Если кто-то спотыкался и падал, кастанцы пинками быстро поднимали его и загоняли в строй.

Земляне, как и было приказано, стояли напротив командного корпуса. Над крышей, на высоком шесте, развивался большущий кастанский флаг. Холден разглядывал полотнище. Со стороны могло показаться, что он буквально заморожен внушительным зрелищем.

Последние колонны пленных покинули территорию тюрьмы, и ворота с лязгом закрылись. Двор и корпуса опустели. Сверху доносились шаги часовых, вышагивавших по парапету. Издали долетали крики охранников, разводивших пленных по местам работы. Судя по отдаленным звукам, часть пленных уже принялась за дело.

В бесцельном ожидании прошло более часа. Наконец из командного корпуса показался Словиц.

— Заходите. Отвечать на все вопросы, — рявкнул он.

В комнате сидели пятеро кастанских офицеров во главе с тюремным командиром, расположившимся посередине. У всех были скупающие лица фермеров, которым предстояло составлять отчет по надоям молока.

— Вот ты. — Фестерхед ткнул пальцем в сторону одного из пленных. — Как тебя зовут?

— Олпин Маколпин.

— Чем занимался?

— Радиосвязью.

— Значит, разбираешься в технике?

— Да.

— Хорошо! — обрадовался Фестерхед. — Нам нужна квалифицированная рабочая сила. А то большинство пленных вашего Космического Союза — обыкновенная солдатня, годная лишь на тяжелые работы.

Он перебросился несколькими фразами с офицером, сидевшим слева, и вынес решение:

— Годится. Пусть Радума берет его к себе.

Фестерхед вновь поднял глаза на семерку землян и указал на следующего:

— А ты кто?

— Людовик Пай.

— Род занятий?

— Инженер-электронщик.

— Этого тоже к Радуме, — бросил Фестерхед. — А ты кто будешь?

— Генри Казазола. Инженер-оружейник.

— Главные мастерские, — распорядился начальник тюрьмы. — Следующий!

— Робер Шеминэ. Инженер-механик.

— Главные мастерские. Следующий!

— Джеймс Фоули. Корабельный врач.

— Тюремная больница, — быстро решил Фестерхед, — Дальше!

— Фрэнк Уордл. Пилот и командир корабля.

— Пилот? Вражеские пилоты нам не нужны. Ты давно служишь в своих военно-космических силах?

— Восемь лет.

— А чем занимался до этого?

— Был лесничим, — ответил Уордл, стараясь сохранять на лице полное бесстрашие.

Фестерхед хватил рукой по столу и удовлетворенно воскликнул:

— Превосходно! Запиши его в лесной отряд. Этот, по крайней мере, не заблудится и не перепутает север с югом.

Оставалось разобраться с последним пленным. Фестерхед вопросительно уставился на него.

— Уильям Холден. Штурман.

— Какой нам прок от штурмана? Никакого! Другими техническими специальностями владеешь?

— Нет.

— А кем ты был раньше?

— Управляющим в каменоломнях.

Фестерхед, почти сияя от радости, сообщил:

— Наши каменоломни давно тебя дожидаются.

Лицо Холдена озарилось ответной радостной улыбкой, которую он никак не мог подавить.

В его памяти всплыли слова, услышанные еще на Земле от одного седовласого старика.

— Все разумные расы обязательно занимаются строительством. Крупные строительные предприятия используют природные материалы, в особенности камень. Камень, как известно, добывают в карьерах и каменоломнях. И в том и в другом случае применяется взрывной способ. Следовательно, тот, кто работает в каменоломне, имеет доступ к взрывчатым веществам, а они в девяти случаях из десяти вообще не охраняются. Поэтому мы сочли целесообразным прочитать вам курс лекций о добыче камня, сделав особый упор на взрывчатых веществах.

Не обратив внимания на ликующего Холдена, Фестерхед повернулся к Уордлу.

— Это ты командовал земным кораблем, совершившим вынужденную посадку?

— Да.

— Однако все члены экипажа почему-то находятся в звании капитана. Объясни, с чем это связано.

— Каждый из нас получил капитанское звание в своей специальности.

— Мне это кажется странным, — признался Фестерхед. — Должно быть, у вас на Земле все делается шиворот-навыворот. Впрочем, сейчас это уже не имеет значения. У меня есть заботы

поважнее.

Взгляд его стал холодным. По-видимому, Фестерхеду думалось, что его глаза просвечивают Уордла насквозь.

— Сегодня утром мы получили сообщение с Касты. Там принимаются все необходимые меры по поимке Белоснежки.

Уордл кусал губы, чтобы не улыбнуться и не расхохотаться. Это стоило ему немалых сил.

— Почему эта женщина оказалась у вас на борту?

— Нам было приказано доставить ее в штаб сектора, — соврал Уордл, не осмеливаясь взглянуть на товарищей.

— Зачем?

— Я не знаю. Таков был приказ, а приказы не обсуждаются.

— Почему ее имя отсутствует в документах, которые мы забрали с вашего корабля?

— Этого я не знаю. Документы оформлялись земным начальством. Я не несу ответственности за их содержание.

— А как этой женщине удалось бежать, если вы семеро попали в плен?

— Сразу же после посадки она скрылась в лесу. Мы остались возле корабля, пытаясь его отремонтировать.

— Она что-нибудь взяла с собой? Оружие или какое-нибудь снаряжение? — Фестерхед подался вперед. — Например, передатчик дальнего радиуса действия? — спросил он, сверля Уордла глазами.

— Я не знаю. Мы тогда возились с поломкой и не заметили.

— Говори правду, или я от вопросов перейду к иным способам получения сведений! Белоснежка — агент разведки?

— Кто мне сообщал такие подробности? — сердито махнул рукой Уордл. — Даже если и так, власти не обязаны ставить экипаж в известность.

— Она молодая или не очень?

— Очень молодая.

— И красивая?

— Да, я вполне могу назвать ее красивой.

Уордл почувствовал, как его спина покрывается потом.

Фестерхед ухмылялся с видом завсегдатая ночных клубов.

— У тебя есть основания предполагать, что она является любовницей какого-то высокопоставленного командира?

— Вполне, — согласился Уордл, улыбаясь, словно деревенский простак.

— Следовательно, она для нас — очень ценная заложница, — продолжал Фестерхед. Казалось, он и впрямь поверил, что имеет дело с простаком.

— Вполне, — повторил Уордл.

— Опиши ее во всех подробностях, — потребовал довольный собой начальник тюрьмы.

Уордл не забыл ни одной детали, описав Белоснежку вплоть до усыпанных бриллиантами серег. Картина получилась мастерская, достойная какого-нибудь искусного и вдохновенного вряля. Фестерхед внимательно слушал, а один из кастанских офицеров все подробно записывал.

— Незамедлительно передайте эти сведения на Касту, — распорядился Фестерхед, когда Уордл закончил свой словесный портрет.

Вспомнив о существовании Словица, начальник тюрьмы приказал:

— Земляне должны сегодня же начать работать. Проследи, чтобы их отвели туда, куда мы их определили.

Допрос закончился.

Впервые за многие месяцы землянам пришлось расстаться. Встретились они только вечером, в очереди за ужином.

— Сейчас никаких разговоров, — вместо приветствия сказал Уордл. — Приберегите ваши впечатления до камеры.

Холден повернулся к стоящему за ним Казазоле. Тот разглядывал дно пустой миски.

— Слышал, что сказал наставник? Никаких разговоров. Так что, держи пасть за замке.

Казазола, как всегда, промолчал.

Когда землян привели в камеру и дверь защелкнулась на ночь, Уордл спросил:

— Не возражаете, если я потреплюсь первым?

— Пожалуйста, — великодушно разрешил Пай, говоря от имени шестерых.

— Я оказался в отряде стамитов. Они занимаются валкой и транспортировкой леса. Нас стерегли шесть охранников. Все, как на подбор, ленивые и беспечные. Они уселись себе в сарайчике и погрузились в игру, похожую на наши карты. На пленных — ноль внимания. Кастанцы абсолютно уверены, что никто не сбежит. Куда бежать, если у этих бедняг нет даже родного дома? Короче говоря, дисциплины в этих зарослях — почти никакой.

— А ты бы хотел, чтобы кастанцы постоянно дышали тебе в затылок? — спросил Холден.

Уордл пропустил его реплику мимо ушей и продолжал рассказ:

— Я вдоволь наговорился со стамитами, и ни один охранник не обратил на это внимания и не потребовал, чтобы я заткнулся. Похоже, кастанцы живут здесь по своему времени, хотя гатинские сутки длятся больше двадцати восьми часов. Я выяснил, что кастанский час равен примерно сорока двум нашим минутам. Часовые совершают обход по периметру стены четыре раза в час. Грубо говоря, каждые десять наших минут.

— Мы это выяснили еще ночью, когда следили за их прогулками, — напомнил ему Пай.

— Таким образом, каждый, кому не терпится спуститься со стены, должен уложиться в десять минут. Если смельчака засекут, убьют на месте. Не за попытку побега — за неповиновение. Сами понимаете, десять минут — не ахти как много.

Уордл на несколько секунд умолк.

— Кастанцы соблюдают эту канитель с обходами не потому, что опасаются побегов. Просто таково требование военного времени — чтобы нападение извне не застигло их врасплох. Но нам от этого не легче. В глазастости кастанцам не откажешь.

— Что насчет ворот? — спросил Фоули.

— Ворота круглосуточно охраняются. Там дежурят двенадцать кастанцев, и еще дюжина находится в состоянии готовности на случай разных неожиданностей. Всего же нашу тюрьму охраняют четыреста кастанцев. На Гатине есть еще сорок подобных тюрем, десятков из которых расположены достаточно близко. А некоторые — настолько близко, что наши лесорубы работают бок о бок с тамошними.

— Сколько до ближайшей тюрьмы?

— Всего какая-то миля. Если бы не холмы и деревья, мы бы видели ее из окон камеры.

Уордл посмотрел на товарищей и хитро улыбнулся.

— Самую приятную новость я приберег на десерт. Вы заметили странное сооружение позади хором Фестерхеда? Так это не что иное, как тюремный арсенал. Там хранится не менее четырехсот автоматических винтовок и тьма-тьмуцая боеприпасов.

— Твои расспросы выбили из мертвой спячки хоть одного стамита? — спросил Холден.

— Пока не заметил. — Уордл досадливо поморщился. — Думаю, они приписали их моему праздному любопытству. Ну а каковы ваши успехи?

Холден рассмеялся хриплым, жутковатым смехом, чем-то напоминающим стук гроба, грохочущего вниз по лестнице. Из кармана бывший штурман вытащил ком мягкой серо-ватой

массы, подбросил в воздух и стал им жонглировать, после чего принялся его разминать.

— Что это у тебя? — спросил Фоули.

— Адамит.

— И зачем он?

— Да так, захотелось поиграть с пластичной взрывчаткой.

— Ты окончательно спятил! — завопил Фоули и перелетел через койку, торопясь скрыться подальше.

— Убери свою игрушку, — взмолился Пай. — Мне не по себе от одного ее вида.

— Да что вы, ребята? — усмехнулся Холден. — Ее можно даже пробовать на вкус, и ничего не произойдет. Без детонатора она не опаснее навозной лепешки.

— Ты, наверное, и детонатор прихватил с собой?

— Нет, что-то лень было тащить. Я в любое время могу принести их хоть полсотни. И тонну [* Американская тонна несколько меньше метрической и составляет 907,2 кг] адамита в придачу. Этого добра там сколько угодно, а кастанцам и в бошки не приходит, что кто-то может найти аламиту иное применение. Они привели рабов на место и сразу же смылись.

Последовала новая порция леденящего смеха.

— Я ведь раб. Что с меня взять? А вот я могу взять много чего.

— Ну, мальчики! — восхищенно произнес Уордл. — Один хороший взрыв у дверей арсенала, и четыреста винтовок у нас в руках.

— Это еще не все мои скромные приобретения.

Запихнув аламит в карман, Холден снял куртку и рубашку.

Его пояс был туго обмотан тонкой, но прочной веревкой.

— Она, бедняжка, лежала и умоляла, чтобы ее подобрали. Нравится, хунэ?

— Спрячь ее понадежнее. Веревка нам явно понадобится, и, может, даже очень скоро. А что ты скажешь? — спросил Уордл у Маколпина.

— Нас привели в большую ремонтную мастерскую. Не знаю почему, но нам с Паем позволили работать вместе. Ничего особо сложного нет: обычный ремонт, наладка и проверка радио- и телевизионного оборудования космических кораблей. Сначала кастанцы пялились на нас во все глаза. Им нужно было убедиться, что мы разбираемся во всем этом и умеем работать. Потом они сразу потеряли к нам интерес и оставили без присмотра.

— Можно как-то саботировать эту работу?

— Пока рано, — с сожалением вздохнул Маколпин. — Позже, может, и получится. Там всем заправляет некий Радума. Придирчивый тип, но, надо отдать должное, дело свое знает до тонкостей. Ему подай все тип-топ, любую недоделку воспринимает как личное оскорбление. Всю нашу работу он сразу же волок на испытательный стенд и проверял качество. Ну как, много тут насаботируешь?

— Думаю, что нет. Но судя по твоим словам, этот Радума скорее придирчив, чем подозрителен.

— Верно. Мне знаком этот тип спецов. Он не станет возиться ни с какой аппаратурой, если ее невозможно или нецелесообразно ремонтировать. А потому целые узлы и блоки выбрасываются на свалку и ржавеют там.

— И что?

— А то, что мы можем периодически навещать эту свалку. Разумеется, не на виду у кастанцев и при условии, что наша работа не будет вызывать нареканий. Там горы аппаратуры. Стянуть нужные детали не составит труда. Нужно лишь не попадаться на глаза. Главная забота — незаметно переправить все компоненты.

— Вы сумели бы поднести их к кромке джунглей? — спросил Уордл.

— Уверен, что да. Но только не дальше. Нам нельзя исчезать из цеха больше чем на пять минут.

— Дальше это уже моя головная боль. Вы только заранее предупредите меня, когда и где я найду ваш гостинец. Я изобрету способ перенести его в нужное место. Наш миляга Фестерхед не зря определил меня на лесоповал. Сколько времени вам понадобится, чтобы раздобыть все необходимое?

Маколпин прикинул в уме.

— Усилитель мы можем сделать в мастерской, прямо под носом у кастанцев. Параболическую антенну тоже несложно разобрать и вынести по частям, а потом собрать в нужном месте. Думаю, на все наши монтажно-крадежные работы уйдет самое малое недели две. Это при условии, что нас не застукают и не схватят.

— Перенести оборудование — только половина дела, — резонно заметил Пай. — Нужно ведь еще найти место. Какую-нибудь тихую полянку, где будет стоять радиомаяк. И чтобы вблизи — никаких дорог, иначе нашу штучку могут заметить кастанцы или слишком болтливые пленные. И еще одно условие. Нам нужна линия электропередач для питания маяка.

— Как далеко может отстоять маяк от линии?

— Не более восьмисот ярдов, — сказал Пай. — Думаю, такое количество провода мы вполне сумеем стащить.

— О'кей. Вы думаете над тем, как дотащить детали маяка до границы леса. Я подыскиваю место и переносу их туда.

— Как?

— Пока не знаю. Но это уже моя забота. И я обязательно найду способ.

Взгляд Уордла упал на стоявшего рядом Фоули.

— А у тебя какие новости?

— Неутешительные. Тюремная больница — хуже некуда. Основная забота персонала — вернуть полумертвых рабов на работу, затратив на это минимум времени, сил и средств. Даже больным кастанцам там приходится несладко. Оборудования почти никакого, обращение с пациентами жестокое, а начальника больницы Мачимбара я бы даже не решился назвать врачом. Странно, что он не пошел в палачи.

— Предупреждение принято, — сказал Уордл и оглядел остальных, — Если кто-то вдруг заболит, делаем все возможное, чтобы не стать подопытными землянами Мачимбара.

— Догадайтесь, какие слова я услышал от Мачимбара, когда пришел и доложил, кто я и зачем явился, — подначил товарищей Фоули.

— «С этой минуты единственная цель твоей жизни — угождать мне всегда и во всем», — подсказал Холден.

— Совершенно верно. А теперь — о двух важных для нас моментах. Первый. Больница находится за тюремной стеной и совсем близко от джунглей. Теоретически это идеальное место для побега. Плохо лишь то, что туда помещают по-настоящему больных.

— Учтем. И какой второй момент?

— Я разыскал стамитского полковника.

— Как тебе удалось?

— Мне на глаза попался один доходяга-стамит, и я спросил его, кем он был до плена. Оказалось, полковником. Его отряд подвергся газовой атаке. Очнулись они уже в кандалах. По-нашему, стамиты попали в безвыходное положение. Им не в чем себя винить. Но этот полковник думает по-другому. Он считает главным виновником себя и говорит, что опозорил свою расу.

— Полковник может нам пригодиться, — сказал Уордл.

— И не только он, — ответил Фоули, — По словам этого ста-мита, среди пленных есть еще четыре бывших полковника и один бывший алюэзинский генерал-майор.

— Имя узнал?

— Генерал Парта-ак-Ваим.

— Нам нужно обязательно его разыскать. Найдем укромное местечко и поговорим с ним.

— Вы еще заставьте его мыслить по-земному, — язвительно заметил Пай, сомневающийся, что семерым землянам удастся изменить укоренившиеся представления других рас.

— Мои любезные соплеменники, — подал голос Холден. — Время еще совсем не позднее. С этим удачно сочетается присутствие среди нас некоего мужа по имени Робер Шеминэ, которого специально учили открывать любые замки, сделанные любыми мыслящими существами. Путем нехитрых расчетов я установил: на территории нашего принудительного нахождения стоят четыре корпуса. Следовательно, вероятность отыскать в нашем корпусе этого... Патак-дальше-не-знаю-как...

— Его зовут Парта-ак-Ваим, — напомнил Уордл.

— Вот-вот. Значит, вероятность найти его здесь — один к четырем, — закончил свою тираду Холден. — Чего вы ждете, мальчики? Или у вас ножки не ходят?

— Ты можешь открыть нашу дверь? — обратился к Шеминэ Уордл.

Кряжистый Шеминэ, на челюсти которого еще не зажил синяк, полученный при захвате в плен, молча порылся в карманах и извлек связку надфилей.

— Скучно проторчать целый день в мастерских и ничего не взять на память, — сказал он и пошел возиться с дверью.

— Вы ведь оба работали в мастерских. А тебе что-нибудь удалось прихватить оттуда? — спросил Уордл у молчуна Казазолы.

Вместо ответа Казазола полез к себе за шиворот, нащупал веревочную петельку и вытянул то, что до сих пор размещалось у него между лопаток. Молчун взял «на память» среднюю часть рессорной пластины от кастанского грузовика, похожую на слегка изогнутую металлическую линейку. Длина пластины была не менее тридцати дюймов, а ширина — один дюйм. В ее центре было просверлено два потайных отверстия, у концов — по одному. Казазола отдал пластину Уордлу.

— И ты сумел незаметно для окружающих просверлить эти отверстия? — спросил Уордл.

Казазола кивнул.

— Ну и виртуоз! А проволоку тебе удалось захватить?

Казазола равнодушно подал ему моток проволоки. Но этим его «сувениры» не исчерпывались. На ладонь Уордла легла дюжина шестидюймовых гвоздей с обкусанными шляпками. С того конца Казазола сделал пропилы. Острия гвоздей он дополнительно заточил.

— Ах ты, наша трудолюбивая пчелка! — сказал довольный Уордл.

Казазола улыбнулся краешком губ и снова кивнул.

— Ты будешь открываться, чертова коробка? — выругался на замок Шеминэ, — Если тебя ставили кастанцы, это еще не значит, что больше никому тебя не открыть. К счастью, у них хватило мозгов не прикрутить тебя вверх тормашками.

Шеминэ что-то ковырнул в замке. Тот протестующе скрипнул, потом щелкнул и поддался. Дверь открылась.

— Ничего особо хитрого. Теперь его можно открывать, когда угодно.

— Кто-нибудь пойдет со мной? — Уордл вопросительно оглядел товарищей.

— Меня прошу не тревожить, — зевнул Холден. — Притомился я сегодня.

— Мне так и так придется идти, — сказал Шеминэ. — Кто еще вам откроет двери камер?

— Думаю, что и мне нужно пойти, — рассудил Фоули. — Я ведь получил от стамитского

полковника нечто вроде рекомендации. Возможно, это облегчит нам установление контактов.

— Здесь ты прав. — Уордл осторожно выглянул в коридор. Пусто, — Тройх вполне достаточно. Незачем лезть целой оравой. Если нарвемся на охранников, будем строить из себя идиотов. Скажем, что дверь в нашей камере была не заперта. Мы не знали, что нельзя ходить по коридорам, и больше не будем.

Немного подумав, он сказал:

— Начнем поиски с верхнего этажа. Так и шуму меньше, и меньше опасности нарваться на кастанцев.

Уордл быстро и почти неслышно шел по коридору к лестнице. По ночам здание не освещалось, но это не мешало сносно видеть. При трех лунах и избытке звезд на Гатине не бывало непроглядно темных ночей. Помимо естественного света, коридору кое-что перепало от соседства с освещенным парапетом стены.

Выйдя на лестницу, Уордл остановился, махнул Шеминэ и Фоули, чтобы не шевелились, а сам стал вслушиваться. Наверху было совершенно тихо: ни топота сапог охранников, ни приглушенных голосов пленных.

Представляю, если бы этот корпус был целиком заполнен землянами, подумал Уордл. Какая там тишина! Тут бы все шумело и бурлило, и в самом воздухе ощущался бы бунтарский дух. В какой-то книге Уордл вычитал странное сравнение тюремных бунтов с... цепной реакцией. Где-то, в одной из камер, собирается достаточное количество человеческой «критической массы» — и пошло. Немало таких бунтов были просто выплесками слепой ярости и стихийного протеста. Но на другой планете и при иных обстоятельствах подобная «цепная реакция» — великое благо. Вот только достаточно ли будет «критической массы» семерых землян, чтобы она началась?

Уордл поднялся на седьмой этаж, заглянул в пустой, никем не охраняемый коридор, затем стал подниматься дальше. Шеминэ неслышно следовал за ним. Фоули, похожий на черную тень, был замыкающим.

На площадке десятого этажа Уордл остановился. Шеминэ и Фоули мгновенно замерли, думая, что он услышал какие-то звуки. Нет, вокруг по-прежнему было тихо.

— В чем дело? — спросил у него Фоули.

— Да так. Мне странно, что Холден не пошел с нами. Как-то не похоже на него.

— Он же заявил, что устал.

— Это я слышал, — отмахнулся Уордл, — Но Холдену ничего не стоит и соврать. Я только сейчас вспомнил, какая заговорщическая была у него физиономия, когда он говорил про свою усталость. Просто ему понадобилось мое отсутствие. Но если только, пока мы здесь гуляем, он затеет какую-нибудь пакость...

— Нам сейчас не до него, — недовольно прошептал Фоули. — Нам подвернулся шанс. Не возвращаться же обратно из-за возможных проказ Холдена.

— Черт бы побрал этого штурмана! — вполголоса выругался Уордл. — Мне хватило его Белоснежки. Разболтанный до крайности.

— А мы что, образцы послушания? — Фоули слегка подтолкнул его. — Вперед. Если тебе безразличен сон, я не откажусь хоть немного выспаться.

Уордл, не переставая хмуриться, скользнул дальше. Подойдя к одной из дверей, он приложил ухо. Изнутри слышался негромкий храп и сопение.

— Попробуем зайти сюда.

Шеминэ привалился к замку и, немного повозившись, открыл. Замок привычно щелкнул, но открывающаяся дверь предательски громко закрипела. Уордл вошел. Какой-то

проснувшийся стамит торопливо сел на койке и недоверчиво выпятил на него большие, словно у совы, глаза.

— Здесь есть алюэзинцы? — вполголоса спросил Уордл.

Стамит открыл рот, закрыл, снова открыл. Его глаза стали еще больше. Казалось, слова застыли у него в горле.

— Отвечай быстро! Алюэзинцы есть?

— Третья дверь по коридору, — выдавил из себя стамит.

— Спасибо.

Уордл вышел, осторожно закрыв дверь камеры.

Разбуженный им стамит выполз из постели и разбудил соседа.

— К нам только что приходил землянин. Вермер, ты слышишь? Землянин не выполняет распорядка и ходит по камерам.

— Ну и что ему понадобилось у нас? — довольно сердито спросил Вермер. — Должно быть, тебе это приснилось.

Натянув одеяло, он повернулся на бок и снова захрапел.

Указанная стамитом дверь отрылась бесшумно. Тихо, словно призраки, земляне вошли в камеру. Однако здесь их сразу же увидели и слышали. Алюэзинцам так и не удалось приучить себя спать по ночам. К тому же их раса обладала тонким слухом и превосходным ночным зрением.

Все двадцать обитателей камеры сидели на койках и во все глаза глядели на землян.

— Мы ищем Парту-ак-Ваима, — без околичностей сообщил Уордл, — Кто-нибудь из вас знает, где его можно найти?

Одному из пленных хватило самообладания быстро и четко ответить на вопрос:

— Он в этом здании, на втором этаже, в средней камере, выходящей во двор.

Уордл одобрительно посмотрел на алюэзинца.

— Какое у тебя звание?

— У пленных нет звания. Неужели землянам этого не объяснили?

Фоули попробовал зайти с другого конца.

— А какое звание было у тебя до плена?

— Командир полета.

— То есть офицер военно-космических сил?

— Да. Но теперь у нас нет офицеров.

— Как тебя зовут? — спросил Фоули.

— Дареут.

— Спасибо. Мы запомним оказанную тобой услугу.

Они уже собрались уходить, однако Дареут не считал разговор оконченным.

— Земляне, хочу дать вам совет. Наиболее пригодными являются отхожие места.

— Наиболее пригодными? — Уордл остановился и недоуменно посмотрел на алюэзинца. — Наиболее пригодными для чего?

— Для самоубийства. Если оно произойдет в другом месте, твоих товарищей накажут за пособничество.

— Спасибо за совет, Дареут, — необычайно вежливо произнес Уордл.

Земляне вышли в коридор.

— Боже мой, ну и сознание у них! — вспыхнул Уордл. — Стоит нарушить какие-то идиотские правила, и ты уже либо свихнутый, либо потенциальный самоубийца!

— Побереги свои эмоции, — посоветовал ему Фоули, — Мы как, спустимся на второй этаж прямо сейчас или оставим визит к генералу на другую ночь?

— Нет, пойдём сейчас. Неизвестно, что будет завтра.

Троица беспрепятственно спустилась вниз и нашла нужную дверь. Шеминэ открыл замок, и они вошли внутрь. Камера была точной копией их собственной. Те же двенадцать коек, но ни одной пустой. Их встретила дюжина алюэзинцев. В горящих, как у кошек, глазах не было ни малейшего признака сонливости.

Уордл шепотом спросил, где койка генерала. Алюэзинец махнул рукой:

— Там.

Земляне, не сговариваясь, поняли, как им сейчас действовать. Четким строевым шагом они подошли к указанной койке и встали по стойке «смирно», подняв головы и распрямив плечи. Три руки взметнулись в воинском приветствии.

— Капитан Уордл и двое сопровождающих его офицеров с докладом к генералу Парте-ак-Ваиму!

Генерал Парта полностью сохранил самообладание и немалую долю достоинства. Встав, он аккуратно сложил свое единственное грязное одеяло и натянул поношенную одежду. Потом оглядел низкорослых землян. Генерал был старше многих пленных, о чем свидетельствовали морщины на лице и в уголках глаз.

— Насмешки на меня не действуют, — тихо сказал он. — А бывшим офицерам не пристало так себя вести.

— К нам, господин генерал, слово «бывший» не относится, — твердым голосом ответил Уордл. — Мы по-прежнему считаем себя офицерами. Меня никто не лишил капитанского звания. И вы для нас по-прежнему генерал.

— Неужели? — У алюэзинца удивленно изогнулись брови. — Только какой армии?

Удалось, честное слово удалось! Он спросил, и явно не из праздного любопытства. Хорошее начало. Теперь главное — не упустить момент.

— Имею честь сообщить вам, господин генерал, что вы являетесь генералом армии независимой Гатинской Республики.

— Вы серьезно? Кто это говорит?

— Космический Союз, господин Парта. Гатинцы испытывают острую потребность в каждом офицере.

— Что за ерунда? — поморщился Парта. — За всю свою жизнь я никогда не слышал ни о каких гатинцах. Я не верю в существование подобной расы. А если она все-таки существует, то где находится?

— На Гатине, господин генерал.

Ага, удар пришелся в цель.

Парта отпрянул.

— Но Гатин... это же здесь.

— Так точно, господин генерал.

— Я не являюсь уроженцем Гатина.

— И кастанцы тоже — не местные жители.

— Я... я...

Уордл пристально глядел на него.

— Кто вы, господин генерал?

Ответа не было.

— Вы либо гатинец, либо — пустое место, — сказал Уордл, — А вы не можете, не имеете права быть пустым местом.

Генерал Парта не ответил. Он стоял, словно в строю, не шелохнувшись, повернув лицо к окну и устремив глаза к звездам. Одиннадцать сокамерников генерала, сами не понимая почему,

тоже встали.

— Здесь, на *нашей* планете, — продолжал Уордл, — в настоящее время хозяйничает четверть миллиона кастанских захватчиков. Но им противостоят четыреста тысяч боеспособных гатинцев, у которых нет всего-навсего оружия. Все остальное у них есть.

— Но стамиты...

— Какие стамиты? Здесь нет стамитов, господин генерал. Здесь есть только гатинцы.

Генералу Парте понадобилось некоторое время, чтобы совладать с бурлящими у него в голове мыслями. Сейчас ему приходилось сражаться не на поле боя, а в своем сознании, и битва эта была против укоренившихся представлений о пленных как о безгласных рабах, лишенных всякой надежды на свободу и вынужденных до самой могилы влачить жалкое и позорное существование. И теперь земляне вдруг все перевернули с ног на голову, утверждая, что это и есть правильное положение, в котором каждый из пленных отныне должен жить. Свыкнуться с подобной идеей в считанные минуты было крайне сложно. Земляне, образно говоря, предлагали ему научиться ходить по потолку.

Однако Парта-ак-Ваим был генералом и одержал внутреннюю победу, быстро оценив военные преимущества, которые сулили ему немислимые прежде действия.

В лице алюэзинца произошла разительная перемена. Он цепким, изучающим взглядом посмотрел на Уордла.

— Ответьте мне на несколько вопросов. Первый: какой ответ вы получили от стамитской части гатинцев?

— Никакого, поскольку пока еще не обращались к ним. Нам нужно было с кого-то начать, вот мы и начали с вас, господин генерал.

— Вы намерены изложить им суть дела?

— Обязательно, господин генерал.

— Второй вопрос. Вы заявили, что нам необходимо оружие. Каким образом и когда оно может оказаться у нас в руках?

— В тот самый момент, когда гатинская армия будет морально готова пустить его в ход.

Генерал не дрогнул. Наоборот, в нем прибавилось уверенности и достоинства.

— Я принимаю ваши слова без обиды. Никто не восстановит за нас нашу честь.

Он помолчал.

— И третий вопрос. Мой прошлый опыт позволяет мне видеть тактические выгоды создания гатинской армии. Хотелось бы знать: создание этой армии является самостоятельным планом или составной частью каких-то более обширных планов?

— Это составная часть широкомасштабной стратегии Космического Союза, — сказал Уордл.

— Иными словами, Гатинская Республика с самого момента создания уже будет иметь союзников?

— Да, господин генерал. Гатинская Республика будет официально признана и поддержана Космическим Союзом.

— *Всем* Союзом? Включая...

— Включая Алуюэзинскую империю, — заверил его Уордл. — Разве у доблестных алюэзинцев могут быть причины не признавать доблестных победителей-гатинцев?

Мысли, захлестывающие генерала, и бешеный поток обуревавших его чувств — все это вдруг стало выше его сил. Он сел на край койки и спрятал лицо в ладонях. Воцарилась напряженная тишина. Земляне и алюэзинцы молча смотрели на генерала.

Наконец он взял себя в руки и сказал:

— Дайте мне время обсудить услышанное со своими товарищами. Вы смогли бы зайти ко

мне завтра в такое же время?

— Я не соглашусь на это, пока не услышу от вас соответствующего приказа.

— Приказа?

— Да, господин генерал. Вы должны встать по стойке «смирно» и сказать: «Капитан Уордл, мне необходимо проконсультроваться со своими подчиненными. Приказываю вам прибыть завтра, в это же время».

Генерал Парта-ак-Ваим выпрямился. Алюэзинцы инстинктивно выстроились по обе стороны от него. Глаза генерала блестели, в голосе появилась твердость.

— Капитан Уордл, мне необходимо проконсультроваться со своими подчиненными. Приказываю вам прибыть завтра, в это же время.

— Будет исполнено, господин генерал.

Уордл, а за ним Шеминэ и Фоули щелкнули каблуками и отдали честь. Затем строевым шагом они вышли из камеры.

Между вторым и третьим этажами Фоули восторженно прошептал:

— Честное слово, мы его зацепили!

На подходе к пятому этажу земляне услышали негромкий выстрел, донесшийся снаружи. Словно испуганные крысы, все трое помчались к себе в камеру.

У капитана Уордла были свои, тайные основания ожидать самого худшего. Оставив Шеминэ закрывать дверь, он одним прыжком очутился возле койки Холдена и сдернул одеяло. Койка была пуста.

— Где он?

Сонный Пай тер глаза и силился подняться на локтях.

— Что? Перехитрил тебя?

— Где Холден? — зарычал Уордл.

— Ушел, — зевнул Пай, демонстрируя полное равнодушие.

Его локти разогнулись сами собой, и он упал на доски.

— Куда ушел? — раздраженно выкрикнул Уордл.

— Туда.

Пай нетвердой рукой махнул в сторону окна. Здесь сон вновь окутал его своим покровом. Рука упала на койку. Пай закрыл глаза, издал несколько булькающих и чмокающих звуков и перешел на ровный храп.

Уордл произнес на родном языке пять не связанных между собой слов. Подойдя к окну, он повертел головой влево и вправо, потом глянул вниз. Бетон двора тонул в сумраке, и разглядеть что-либо внизу было невозможно. Легкий ночной ветерок трепал спущенную из окна веревку. Холден привязал ее к ножке койки. Шестьдесят футов веревки уходили вниз, сорок лишних футов лежали под койкой, сложенные в аккуратный моток.

В этот момент, двигаясь справа налево, по парапету пробежал кастанский часовой. С той стороны, куда он бежал, доносились голоса. Слов было не разобрать, но чувствовалось, что кастанцы чем-то рассержены.

Уордл с размаху плюхнулся на свою койку. Какой там сон! Он безотрывно глядел на приоткрытое окно. Фоули и Шеминэ одновременно умылись над раковиной и с подчеркнутым спокойствием улеглись спать. Вскоре они уже храпели. Уордл продолжал следить за окном.

Где-то через полчаса болтающаяся веревка натянулась и слегка заскрипела. В оконном проеме показалась голова, потом туловище. Холден спрыгнул на пол, подтянул веревку, тщательно смотал ее и закрыл окно. Затем он поплевал на ладони и вытер их о брюки.

— Ну что, шаловливый шляющийся мальчик? — приветствовал его Уордл. — Мало тебе

дня, так решил еще и ночью прогуляться в осиное гнездо?

Холден хотел огрызнуться, но передумал и ласковым голосом сказал:

— А ты замечательно выглядишь сегодня. Наверное, сумел почистить язычок в местной химчистке?

— Нам было не до смеха, когда мы слышали со двора звук выстрела. Если кастанцы нас в чем-то заподозрят, считай, дело погибло в самом зародыше. Ты хочешь, чтобы нас раньше времени перестреляли?

— Не знаю, кто там в кого стрелял. По мне, во всяком случае, не стреляли, — сказал Холден.

— Просто у кого-то винтовка пальнула сама собой, так?

— Ты прав, приятель. Случайность, но не совсем чистая случайность.

Усевшись на край койки, Холден принялся развязывать шнурки ботинок.

— Этот милый стрелок привалился своей широкой спинкой к углу арсенала, поскольку очень нетвердо держался на ногах. Разумеется, и его винтовка тоже уперлась в стену. А потом он сообразил, что лишний вес на плече ему мешает, и нежно сбросил винтовку себе под ноги.

— И что же было дальше? — спросил Холден.

— Я оторвал кусок проволоки с арсенальной ограды и оба конца изогнул в виде крючков. За каких-то десять минут я дополз до угла. Один крючок я прикрепил к курку винтовки, другой — к забору. Затем я отполз назад и предоставил событиям развиваться естественным образом.

— Ты — редкостный псих. Если бы этот кастанец увидел тебя, он бы прошил тебе пузо очередью, и сейчас ты бы не сидел здесь.

— Он меня не видел. Не знаю, что тут пьют кастанцы, но глазки у него были залиты достаточно.

Закинув ботинки под койку, Холден встал и стащил с себя брюки. Из них он извлек длинный, не менее нескольких ярдов, кусок материи.

Не в силах сдержать любопытства, Уордл подскочил к его койке и в тусклом ночном свете пригляделся к добыче. Схватив материю, он поспешил к окну, чтобы проверить, не ошибся ли.

— О стада священных коров! Да это же их флаг!

— Не спорю, — согласился Холден.

— Откуда ты его спер?

— Зачем же так грубо? Я нашел его в зарослях тростника, — засмеялся Холден. — Что годится для фараоновой дочки, сгодится и мне [* Здесь Холден намекает на библейское повествование о том, как дочерью фараона в тростнике была найдена корзина с младенцем Моисеем (см.: Исход, глава 2)].

— Хватит плести мне басни! Ты же сорвал флаг со столба!

— Ну, допустим, сорвал, — сказал Холден тоном мальчишки, которого все-таки заставили сказать правду. — И ухлопал на это кучу времени. Над крышей Фестерхедова логова ветер так и свищет. Я пару раз едва не грохнулся вниз. А если бы я расстегнул куртку, то ветер вообще бы понес меня, как планер.

— Но... но...

Уордл мямлил в руках флаг. Язык почему-то перестал его слушаться.

— Пока я сдирал их святыню и запихивал себе в штаны, внизу четыре раза прошел часовой. И представляешь, этот чурбан ни разу не удосужился задрать свою медвежью голову и посмотреть вверх.

— Но...

— Не волнуйся, мы его не будем рвать на носовые платки. Смотри: отрезаем нижнюю малиново-красную полосу, белые стрелы превращаем в шестиконечную звезду. Что получается?

Белая звезда на синем фоне. Для какого государства Космический Союз учредил этот флаг?

— Для Гатинской Республики.

— Правильно. Временами ты бываешь удивительно догадлив.

Холден лег и потеплее завернулся в протертое одеяло.

— Где же мы его спрячем? — спросил Уордл.

— Это уже твоя забота. Я принес, а ты ломай голову, как и где прятать. Не думаю, что кастанцы станут шарить по всем камерам.

— Ты не думаешь, а они вполне могут устроить повальный обыск, — возразил Уордл. — Не нравится мне эта история. Там же ад крошечный начнется, едва кастанцы обнаружат исчезновение флага.

— Они и пальцем не пошевелят. Когда я обрезал веревку, я специально распустил и разлохматил ее конец. Теперь все выглядит так, будто- веревка оборвалась. Ставлю десять против одного: кастанцы решат, что флаг сорвало ветром и унесло куда-то в джунгли. Если они затеют поиски, я добровольно вызовусь им помогать. Погуляю по лесу не без пользы; глядишь, и место для радиомаяка найду.

— Не знаю, чего в тебе больше: выдержки или самоуверенности, — с невольным восхищением произнес Уордл.

Холден смиренно опустил плечи.

— Мои представления о самом себе несколько отличаются от ваших.

Холден повернулся на другой бок и быстро уснул. Уордл все так же стоял, теребя в руках свернутое полотнище флага. Наконец он решил, что не вправе упрекать Холдена. Земляне потому и отличаются от других рас, что не сидят сложа руки, а действуют.

Три дня поисков флага в лесу не дали никаких результатов. Поисковые отряды не обнаружили даже маленького клочка кастанской святыни. К концу четвертого дня терпение Фестерхеда иссякло. Он приказал добровольцам из лесных отрядов возвращаться на лесоповал, а «унесенный ветром» флаг заменили новым.

Но уловка Холдена принесла свои плоды. За эти четыре дня в самой гуще леса удалось найти превосходное место для установки радиомаяка, очистить его от деревьев и выкопать яму. Яма представляла собой квадрат со стороной шесть футов. Глубина ее была четыре фута. Яму заполнили камнями и сделали все необходимое, чтобы при первой же возможности установить в ней опоры радиомаяка.

На двадцать первый день плена неожиданно возникла угроза, едва не погубившая тщательно разработанные планы. Это лишний раз подтвердило древнюю истину, что даже самые умные и предусмотрительные не могут учесть и предусмотреть абсолютно все.

Над каждым сообществом разумных существ повисает нечто, именуемое атмосферой. Она невидима, неосязаема и не воспринимается на вкус. Однако ее можно почувствовать, а ее присутствие почти физически ощутимо.

В тот день, покончив с ужином, Уордл стоял на дворе. Все было как обычно. И вдруг он почувствовал: что-то не так. Что-то изменилось, причем очень сильно. Он попытался удержать и проанализировать свое ощущение, поскольку в мозгу отчетливо звучал сигнал тревоги. Привычная обстановка тюремного двора изменилась, и перемена не могла быть беспричинной. Значит, нужно найти причину.

Как только его разум осознал произошедшую перемену, глаза довольно скоро сумели соединить причину со следствием. На первый взгляд — толпы стамитов и алюэзинцев все так же бесцельно слонялись по двору. В массе они оставались безвольными рабами. Но индивидуально каждый из них перестал быть рабом. Уордл понял: изменилось их поведение.

Исчезли согнутые спины и сгорбленные плечи. Они не плелись, а ходили, причем некоторые — едва ли не строевым шагом. Раньше пленные буквально проползали мимо охранников, опустив головы и вперив глаза в землю. Но теперь они шли с гордо поднятыми головами, развернув плечи. Они не боялись смотреть кастанцам прямо в глаза. Даже у вечно мрачных, неулыбчивых стамитов заметно изменилось выражение лиц.

В воздухе витало незримое, но сильное ощущение затишья перед бурей. Ощущалась внезапно появившаяся сила, которую пока еще что-то сдерживало, однако не было никаких гарантий, что она преждевременно не вырвется наружу.

Охранники тоже почувствовали произошедшую перемену. Правда, иной менталитет не позволил им уловить во всем этом скрытые потоки зарождающегося бунта. Окажись на их месте земляне, те бы сразу поняли, что к чему. А кастанцы лишь ощущали некоторое беспокойство, но так и не догадывались о его причинах. Они нервно переминались с ноги на ногу, крепче сжимали в руках винтовки, старались держаться вместе. Часовые на парашюте зашагали быстрее.

Уордл начал спешно обходить двор. Он знал, кто ему сейчас нужен, но отыскать знакомое лицо среди громадной толпы было почти безнадежным занятием. В углу Уордл заметил Пая.

— Помоги мне найти Парту. Встретишь по пути кого-нибудь из стамитских старших офицеров, прихвати и его.

— Что-нибудь случилось?

— А ты присмотришься. Забитые рабы так осмелели, что готовы врукопашную пойти на кастанцев. Старая история повторяется: маятник качнулся в другую сторону.

Уордл ткнул пальцем в сторону кучки охранников, сгрудившихся у стены.

— Даже кастанцы почуяли неладное. А если этих увальней загнать в угол, они начнут стрелять в тех, кто окажется у них под рукой. И в первую очередь — в нас.

Генерала Парту и двоих стамитских полковников удалось разыскать за считанные минуты. Всех троих препроводили в дальний угол двора. Там Уордл без обиняков выложил им свои опасения, сопоставив дисциплинированность армии с разболтанностью толпы.

— Раньше ваши соплеменники ничего не ждали и ни на что не надеялись. Теперь у них появилась надежда и им не дожидаться ее осуществления. Понимаю, трудно сохранять терпение, но пока нам необходимо быть очень терпеливыми.

— Это вы заразили всех надеждой, — заметил ему Парта. — Предлагайте лекарство, есть оно у вас есть.

— Есть. Как можно быстрее оповестите всех, что ночью у нас состоится военный совет, а на завтра нам нужны добровольцы.

— Добровольцы для чего?

— Не знаю. Честное слово, пока не знаю, — признался Уордл, оказавшийся в тупике. — Знаю только, что мы должны придумать какую-то уловку, которая помогла бы нам ослабить напряжение среди пленных. Иными словами, в ситуации, когда ничего нельзя сделать, попытаемся сделать хоть что-то.

— Договорились.

Парта собрался уходить.

— И обязательно объясните своим подчиненным, насколько важно сейчас не давать кастанцам поводов для беспокойства. Разве воины забыли о военной хитрости? Пока что им нужно играть сломленных и подавленных пленных.

Генерал и двое стамитских полковников переходили от одной группы пленных к другой, быстро что-то им объясняли и шли дальше. Через двадцать минут результаты были налицо, однако Уордла они не слишком-то устраивали.

Как и все дилетанты, пленные переусердствовали. Только что они гордо вышагивали, лелея в душе бунтарские надежды. И вдруг — полнейшее смирение, причем с непременным желанием показать это ошеломленным кастанским охранникам. Два десятка стамитов расселись перед троими кастанцами, единодушно демонстрируя необычайную кротость.

Заметив подошедшего Холдена, Уордл с горечью бросил ему:

— Ты только посмотри на эту толпу зеленых новичков. Они уже предвкушали потасовку с кастанцами, как вдруг пришлось сделать поворот на сто восемьдесят градусов. Как бы бедняги не заболели от внезапных перемен в игре.

— А это мысль, — сказал Холден.

— Ты о чем?

— Кастанская военная экономика в какой-то мере зависит от рабского труда. Эпидемия была бы вполне безопасной и эффективной формой саботажа, не говоря уже о хорошей порции песка, которую она бросила бы в шестеренки здешней тюремной машины.

— Эпидемия чего?

— Мыла.

— Ты можешь хотя бы сейчас обойтись без своих дурацких шуток? — рассердился Уордл.

Холден, не обращая на него внимания, воскликнул:

— А вот и Фоули. Он-то как раз нам и нужен.

Холден подождал, пока Фоули окажется рядом, и без предисловий спросил:

— Какова вместимость больницы?

— Тридцать коек, — ответил Фоули.

— А что, по-твоему, стал бы делать этот коновал Мачимбар, если бы одновременно свалилось триста пленных?

— Ничего. Ровным счетом ничего. Спокойно дал бы им умереть. Сказал бы, что в больнице все койки заняты и что кастанские охранники имеют первоочередное право на лечение. Мачимбар из тех, кто делает минимум необходимого, чтобы только не быть дисквалифицированным и не потерять тепленькое местечко. Он очень боится попасть на фронт.

— Короче говоря, увиливает от своих обязанностей? Так?

— Это еще мягко сказано. Он просто законченная дрянь.

— Ничего, он у нас свое получит, — пообещал Холден.

— Что ты задумал? Или надеешься обойтись обыкновенной водой? — спросил Уордл.

Пронзительно взывшая сирена помешала Холдену ответить. Пленные образовали длинные цепи, исчезающие внутри тюремных корпусов. Охранники криками и угрозами заставляли их пошевеливаться.

При разводе по корпусам земляне увидели весьма показательную сцену. Один хромой стамит споткнулся и выбился из вяло двигающейся цепи. Охранник выругался и замахнулся на него плеткой. Стамит выпрямился и холодно смотрел в глаза врага до тех пор, пока тот не отвел взгляд и не опустил плетку.

— У нас мало времени, — сказал после этого Уордл. — Остается лишь надеяться, что нам его хватит или мы как-то сумеем его растянуть.

Этим вечером Шеминэ опять пришлось возиться с дверными замками. Одна из дверей находилась в их корпусе, две другие — в соседнем. Более десятка пленных пересекли пространство между корпусами. Бежать было недалеко — всего каких-то двадцать ярдов. Сумерки скрыли их от посторонних глаз, а двигаться бесшумно эти пленные умели. Военный совет в камере землян начался.

— У нас есть ряд сложностей, — начал Уордл. — Условия, в которых мы находимся, не

очень-то способствуют их решению, но иных условий у нас нет. Первая сложность — радиомаяк.

— Никак кастанцы его обнаружили? — спросил Парта-ак-Ваим.

— Пока нет. Мы его сделали, собрали и подключили к линии электропередач. Если кастанцы и набредут на него, они, скорее всего, посчитают, что маяк поставили их войска связи. Даже в случае повышенного любопытства с их стороны на их запросы и получение ответов уйдет не меньше двух месяцев. И только потом они выяснят, что никакого маяка в этом месте не значится и не должно быть.

— У кастанцев другое мышление. Они и представить себе не могут, что какие-то дерзкие пленные осмелились собрать маяк, — вмешался Холден.

— Тогда почему вы упомянули радиомаяк в числе сложностей? — удивился генерал.

— Лесной отряд сделал всю тяжелую и неквалифицированную работу. Они перенесли детали маяка, спрятанные Маколпином и Паем на границе леса. Наши товарищи объяснили им, как собрать и поставить маяк. Но для окончательной наладки и включения маяка нужны специалисты. Днем и Маколпин, и Пай могут отлучиться не более чем на пять минут. По их словам, на наладку и запуск маяка им понадобится от трех до четырех часов непрерывной работы.

Уордл помолчал, затем многозначительно добавил:

— Космический Союз не знает координат Гатина. В наших общих интересах, чтобы радиомаяк как можно скорее начал передавать эти сведения.

— Я могу найти специалистов среди моих подчиненных, — предложил Парта, — Если, конечно, вы сумеете включить их в лесной отряд.

— Благодарю, господин генерал, но с этим мы справимся сами, — заявил Уордл, — Мы обеспечим Маколпину и Паю необходимые возможности для работы. Они переберутся через стену.

— Вы имеете в виду побег?

Даже сейчас генерал произносил это слово с опаской, словно считал затеянное землянами неким потрясением основ.

— Я не говорю об их побеге из тюрьмы. Назовем это временной отлучкой. К утру они вернутся и отправятся на работу. Как я уже говорил, нам нельзя возбуждать подозрение кастанцев. Однако если пленные узнают, что двое наших побывали за стеной, это может существенно поднять их настроение. Только не надо крайностей. Обязательно разъясните всем, что они не должны воспринимать эти сведения как поощрение к самовольным отлучкам, иначе мы погубим начатое.

— Но перебраться через стену невозможно.

— Прежде чем соглашаться с этим утверждением, мы должны убедиться сами, — сказал Уордл.

Считая вопрос исчерпанным, он перешел к следующему.

— В нашей тюрьме содержатся около десяти тысяч пленных, а по всему Гатину их четыреста тысяч. Мы — только небольшая часть от общего числа. Нам необходимо наладить контакты с другими тюрьмами, убедить тамошних пленных присоединиться к нам и выступить одновременно. Поблизости от нас расположено еще семь тюрем. Если они схожи с нашей, это значит, что мы имеем семьдесят тысяч потенциальных воинов.

Парта поджал губы и нахмурился.

— Тюрьмы не сообщаются между собой.

— Значит мы должны установить контакты. Задача не является невыполнимой. Она будет выполнена, и вот каким образом, — Уордл слегка улыбнулся. — Вам, наверное, не приходило в

голову, что землянам и алюэзинцы, и стамиты кажутся все на одно лицо.

— Как и земляне нам, — сообщил Парта.

— Весьма вероятно, что и кастанцам обе ваши расы кажутся на одно лицо, — продолжал Уордл. — Лесные отряды из других тюрем работают практически рядом с нашим. Если кто-то из пленных поменяется местами, охранники едва ли это заметят.

— А если и заметят, то вряд ли придадут этому значение, — предположил Холден. — Главное, что количество рабов осталось прежним.

— Возможно, — согласился Уордл. — Но всегда есть опасность, что чье-то излишнее любопытство может погубить весь замысел. — Он снова повернулся к генералу. — Вам необходимо подобрать группу добровольцев. Только офицеры, способные вспомнить о своих качествах командиров и проявить эти качества на практике. И это еще не все. Нужны такие, кто сумеет убедить пленных других тюрем в преимуществах нашей стратегии. Как только вы найдете этих добровольцев, они вольются в лесной отряд и переместятся в другую тюрьму.

— Все это можно организовать, — согласился Парта. — Но есть одна сложность. Обмен — процесс двусторонний. Нам необходима помощь другой стороны, где пока господствуют прежние представления об участии пленного и никто не помышляет о восстании.

— Кастанцы не догадались издать приказов, предписывающих пленным всегда возвращаться в одну и ту же тюрьму. Нельзя нарушить приказ, который не был отдан. Вдобавок перемена места заключения не есть побег.

— Да, вы правы. Это задание я возьму на себя.

— Мы вынуждены передать его вам, поскольку у нас нет другого выхода. Земляне не могут переместиться в другую тюрьму. Они сразу будут заметны, как цирковые лилипуты.

Посчитав второй вопрос решенным, Уордл перешел к третьему.

— И еще одна сложность. Нас она беспокоит сильнее всего. Пленные должны сдерживать свои порывы и терпеливо ждать, пока не настанет момент для совместного и действенного удара по кастанцам. Любые преждевременные выступления, будь то индивидуальные или групповые, смертельно опасны для наших общих планов. Необходимо сделать так, чтобы избежать каких бы то ни было выплесков. Кто что может предложить?

— Нужно отвлечь пленных, — предложил Холден. — Устроить хорошее зрелище, чтобы им на целый месяц хватило впечатлений.

— И у тебя есть конкретное предложение?

— Естественно.

Холден энергично задвигал челюстями, пережевывая несуществующую пищу. Потом испустил душераздирающий вопль и рухнул на пол. Тело Холдена затряслось и согнулось дугой, отчего колени уперлись ему в грудь. Несчастный штурман закатил глаза так, что были видны только белки. Из перекошенных губ вырвались клочья пены. Зрелище было достаточно впечатляющим, чтобы у видевших его свело животы.

— А-а-ааа! — ужасающе застонал Холден.

Изо рта выползла новая порция пены. Алюэзинцы и стами-ты, выпучив глаза, смотрели на землянина. Даже Уордл на мгновение испугался.

Произведя достаточное впечатление, Холден чудесным образом выздоровел. Он встал, подошел к раковине, прополоскал рот, а затем и горло.

— Нужно лишь немного поупражняться, только и всего, — сказал Холден.

— И какая польза от этого трюка? — спросил Парта с видом психиатра, к которому привели маньяка.

— Большой раб не в состоянии работать. Сто больных рабов не в состоянии работать. Тысяча больных...

— Покажите мне, как это делается, — потребовал генерал, решивший не откладывать упражнение на потом.

Вспенив кусочек мыла, Холден запихнул его генералу в рот.

— Теперь жуйте. Так, хорошо. Падайте на пол, корчитесь и стоните... Громче, намного громче... Глаза, господин генерал. Обязательно закатывайте глаза, пока не увидите собственные мозги.

Генерал Парта-ак-Ваим, скрючившись, лежал на полу с закотившимися глазами. Зрелище было особенно впечатляющим и ужасающим благодаря бледно-оранжевому цвету алюэзинских глазных яблок.

В считанные минуты десять алюэзинцев и восемь стамитов стонали и исторгали ключья пены. Вряд ли кто-нибудь и когда-нибудь придумывал более идиотское занятие для этих высокопоставленных военных, подумал Уордл и про себя улыбнулся.

— Замечательно, — похвалил он, когда высшее офицерство поднялось и отправилось к раковине, — Найдите батальон добровольцев и пусть усиленно репетируют. Представление начнется завтра утром, во время раздачи пицци. Пленным оно послужит великолепным клапаном для выпуска лишних эмоций, а кастанцам доставит немало хлопот.

Военный совет завершился. Алюэзинцы и стамиты вместе с Шеминэ покинули камеру.

— Ты говорил, что это занятие требует упражнений, — сказал Уордл, когда дверь защелкнулась. — Судя по тебе, ты изрядно упражнялся. Когда же ты успел?

— У меня большой стаж. Я изобрел этот трюк в четырехлетнем возрасте. Стоило мне шлепнуться на пол и начать пускать пену изо рта, как моя дорогая мамочка была готова удовлетворить любую мою прихоть.

— Да, не позавидуешь родителям такого чада. Я бы на месте твоего отца почаще устраивал тебе свидания с розгами.

— А он и устраивал, — подтвердил Холден, морща лоб. — Регулярно, как только меня застигнет.

Повернувшись к молчаливо слушавшему его Казазоле, Холден потребовал:

— Умоляю тебя, помолчи хоть немного и дай мне вставить словечко.

— Мы напрасно теряем время, — напомнил им Уордл. — Даже самая долгая ночь не длится вечно. Нам нужно перебросить Пая и Мака через стену, иначе вся эта возня с маяком пойдет коту под хвост.

Казазола молча лег на спину и заполз под свою койку. Там он что-то нащупал и так же осторожно выбрался наружу. В руках он держал деревянную дощечку с желобом посередине. Поперек ее узкого конца была приделана уже знакомая рессорная пластина от кастанского грузовика. Вдоль пластины поблескивала туго натянута проволока. Дощечка, напоминая арбалетное ложе, была снабжена заводным ключом и простым спусковым механизмом, изготовленными Казазолрой в мастерских.

— Пора использовать знания, которые мы получили на курсе по выживанию в экстремальных условиях. Нас ведь учили делать всякие хитрости из подручных материалов. И не надо презрительно воротить нос от примитивных устройств. Когда человек завоевывал животный мир, его орудия были еще примитивнее.

Закончив краткую назидательную речь, Уордл протянул руку и сказал Казазоле:

— Давай стрелы.

Казазола подал ему видоизмененные гвозди; теперь в пропилены были вставлены небольшие алюминиевые хвостовики.

— Веревку.

Казазола с бесстрашием отшельника подал ему моток тонкой веревки. Размотав ее по

длине камеры, Уордл отрезал около ста двадцати футов. Сложив веревку вдвое, он прикрепил ее середину к алюминиевому «оперению» стрелы. На расстоянии шести дюймов от хвостовика Уордл привязал в качестве распорки тонкую палочку. Теперь между полосами веревки появился трехдюймовый зазор.

— Откройте окно и наблюдайте за появлением часового, — распорядился Уордл. — Запомни, — обратился он к Паю, — когда мы все подготовим, в твоём распоряжении будет меньше десяти минут.

— Я знаю.

— Промедление может стоить тебе очереди в живот.

— Ну и что?

— Если ты или Мак хотите отказаться, мы поймем.

— Попрыгай на одной ножке, а то ты что-то разволновался, — предложил Пай.

— А меня ты за кого принимаешь? — нахмурившись, спросил Уордла Маколпин.

— Часовой вдет, — прошипел стоявший у окна Холден. — Идет, разлапистое чучело.

Проходит мимо нас... Все, протопал.

Холден отодвинулся. Уордл подошел к окну, встал на колени и пристроил арбалет к косяку. Тщательно прицелившись в сторону парапета, он нажал курок. Арбалет слегка вздрогнул; проволока, служащая приводной пружиной, мягко ударила по двум маленьким резиновым глушителям, ради которых Холден не пожалел каблучков своих ботинок.

Стрела понеслась в темноту. Она пролетела три четверти расстояния до стены и вдруг резко остановилась. И как они раньше не заметили эту щербатину на оконной раме? Попав в нее, несомая стрелой веревка застопорилась. Стрелу отбросило обратно, и она ударилась в окно камеры на четвертом этаже. Один за другим раздались глухой удар, звон разбитого стекла и возглас разбуженного стамита.

Уордл вполголоса выругался и высунулся в окно, ожидая, что будет дальше. У землян разбитое стекло вызвало бы если не переполох, то изрядный шум. Однако у стамитов все было тихо. Вероятно, разбуженный стамит мудро решил ничего не предпринимать, поскольку и в самом деле был бессилён что-либо предпринять.

— Прошло полторы минуты, — сообщил Пай.

Землянам не оставалось иного, как втянуть стрелу в окно и выровнять место, зацементированное веревку. Они еще раз проверили сложение веревки, сделав его не таким тугим. Уордл снова прицелился, метя в точку на несколько дюймов выше освещенного прохода. Теперь стрела свободно перелетела стену и скрылась в темноте. Веревка быстро размоталась на всю длину и вновь прервала полет стрелы.

Медленно и осторожно земляне потянули за концы веревки. Стрела истерично задергалась между шипов парапета и наконец вырвалась из их объятий. Уордл принялся лихорадочно сматывать веревку. Стрела, как и в первый раз, гулко ударила по камням тюремного корпуса. В ночной тишине этот звук показался еще громче. К счастью, стекла в окнах уцелели.

— Прошло четыре минуты, — сказал Пай.

Третий выстрел оказался столь же неудачным: ничего, кроме чирканья металла о камень. Вдобавок, когда земляне подтащили стрелу, они увидели, что распорка-сломана. Пришлось ее спешно менять.

— Шесть с половиной минут, — мрачно уведомил товарищей Пай.

— Часовой уже идет сюда, — сказал Уордл. — Нам лучше его переждать.

Сгрудившись у окна, они вслушивались и ждали, однако слышали лишь собственное дыхание. Вскоре часовой миновал этот участок стены и лениво пошел дальше. Подсветка делала

его фигуру еще массивнее. В движениях часового не ощущалось никакого беспокойства. Возможно, его даже не насторожили странные звуки.

Когда часовой скрылся из виду, Уордл вновь нажал курок арбалета. Стрела с едва слышимым шипением понеслась к стене. В свете ламп парашюта блеснул алюминиевый хвостовик. Потом стрела исчезла в темноте. Выждав немного, Холден осторожно потянул веревку. Вначале она шла легко, но затем туго натянулась.

— Аллилуйя! — прошептал Холден.

До сих пор он тянул за оба конца. Теперь Холден взялся лишь за один и несколько раз сильно дернул, чтобы выбить распорку. Распорка будто приклеилась, однако вскоре Холден победил ее упрямство. Веревка пошла без затруднений. Оставалось лишь заменить ее более толстой и прочной веревкой, которая выдержала бы вес человеческого тела. Холден связал концы обеих веревок и быстро начал перетягивание. Блоками ему служили шипы охранной линии парашюта.

Вскоре из окна показался знакомый узел. Перетягивание закончилось. Задуманное удалось: прочная двойная веревка тянулась из окна камеры над пространством двора и оканчивалась у шипов парашюта.

— Сколько у нас осталось? — спросил Уордл.

— Четыре минуты.

— Мало. Придется опять переждать. А ваша веревка наготове?

— Разумеется, — ответил Пай.

Они ждали. Шаги приближавшегося часового слышались все отчетливее. Сейчас его появление мешало сильнее, чем когда-либо. Все зависело от того, куда будет направлено внимание кастанца и насколько он наблюдателен. Часовой лениво поравнялся с шипом, вокруг которого обвивалась веревка, посмотрел совсем в другую сторону, широко зевнул и двинулся дальше.

— Благодарение небесам, что мы догадались зачернить веревку, — воскликнул Холден.

— Пора! — поторопил наладчиков радиомаяка Уордл.

Пай выбрался из окна и повис на веревках, обхватив каждую одной рукой. Его туловище раскачивалось над двором, а он перебирал руками, двигаясь вперед. Пытаясь ускорить свое продвижение, Пай отчаянно молотил ногами воздух. Веревка скрипела, но выдерживала его вес.

Наконец Пай добрался до парашюта. Вокруг все было тихо: ни криков, ни щелчков выстрелов. Пай отчаянно качнулся вбок, ухватился руками за шипы, а между другими просунул ноги. Затем он неуклюже перекинул свое тело через тройной ряд шипов и плюхнулся в проход.

Продолжая лежать ничком (по-видимому, он опасался, что свет делает его очень заметным), Пай достал свою веревку и обвязал ее вокруг одного из шипов на внешней границе парашюта. Товарищи, наблюдавшие за ним, так и не поняли, каким образом он сумел перебраться через второй кордон. Они лишь видели, как Пай качнулся, на секунду завис над стеной и скрылся внизу.

— Ему понадобилось четыре с половиной минуты, — сообщил Холден.

— Мне они показались десятью годами, — признался Уордл.

Скоро должен был появиться часовой. Так и есть: вон он, тащится нога за ногу. Неужели повернет голову в их сторону? Нет, не повернул. Кастанец равнодушно прошел мимо, и его шаги на время стихли.

Едва часовой успел скрыться, как Маколпин уже висел над двором. До парашюта он добрался быстрее, чем Пай, зато ему было труднее перелезть через шипы. Но Маколпин справился с этим и вскоре тоже скользнул вниз.

Холден разъединил концы веревки и втянул ее обратно в камеру. Оставлять веревку на

несколько часов было бы дерзким искушением судьбы. Вторая веревка, естественно, осталась висеть, но в поле зрения часового попадало не более двух дюймов, обвитых вокруг шипа. Все остальное уходило через край стены и скрывалось в ночной тьме.

— Я вот о чем подумал, — нарушил молчание Холден. — Часовой идет по освещенному проходу. У него довольно хороший обзор по левую и по правую руку, но свет слепит его и мешает видеть то, что впереди. Сомневаюсь, чтобы этот остолоп заметил веревку Пая, даже если бы ему сказали.

— Нам не стоит рассчитывать на слепящий свет и прочие помехи, — возразил Уордл. — Лучше отнести это за счет сознания кастанцев. За исключением странного местечка, зовущегося Землей, нигде и никому не приходило в голову бежать из тюрьмы. Кастанцам такое просто не вообразить!

Потянулись минуты ожидания. Земляне дежурили у окна по очереди: один следил, а остальные спали, если, конечно, тревожную полудрему можно было назвать сном.

До рассвета оставалось не больше часа, когда Пай и Маколпин вернулись.

Дежурство нес Шеминэ. Бессонница сказывалась на его глазах; они покраснели и сделались воспаленными, но он продолжал следить за стеной. Оставленная веревка его не волновала: никто из проходивших часовых ее не замечал.

Только что часовой в очередной раз промельтешил мимо окон, сжимая в лопатообразной руке автоматическую винтовку. Спустя минуту над внешним рядом шипов парапета появилась голова Маколпина. Выбравшись наверх, он подтянул к себе половину длины двойной веревки и перебросил ее через парапет в тюремный двор. Потом он миновал проход, все так же неуклюже преодолел второй ряд шипов и скользнул в темноту двора.

Маколпин был фунтов на тридцать тяжелее Пая. Это обстоятельство оказалось очень кстати для самого Пая, который сейчас поднимался: спускавшийся Маколпин служил ему противовесом. Пай вылетел наверх, будто пробка из бутылки. Подтянув свой конец веревки, он перекинул его на другую сторону, перебрался через шипы и тоже скользнул во двор. Самое главное — им удалось сдернуть веревку с шипа. Шеминэ видел, как она заходила ходуном и упала вниз.

— Они вернулись, — почти закричал Шеминэ, будя остальных.

Прежде чем поднять храбрецов, пришлось снова переждать часового. Теперь все обстояло проще: из окна камеры во двор спустили свою веревку и, дружно взявшись за ее концы, подняли Маколпина. Тот, ввалившись в камеру, успел наступить на чью-то ногу и вместо приветствий услышал чертыханья. Веревку спустили вторично и втащили в камеру Пая.

— Ну, как все прошло? — с нетерпением спросил Уордл.

— В лучшем виде, — ответил Маколпин. — Маяк орет на всю Вселенную.

— А что будет, если его сигналы вначале примет не наш, а какой-нибудь кастанский корабль?

— Они сразу определяют, откуда идут сигналы. Гатин находится под владычеством кастанцев, следовательно, маяк сочтут официально установленным и немного поломают голову, почему им об этом не сообщили. Таков логический ход рассуждения. Если же кастанцам изменит их логика, тогда вся наша затея — совершеннейшая чушь.

— Будем надеяться на первый вариант, — сказал Уордл. — Вы, ребята, замечательно поработали.

— Хотите знать, что во всем этом было самым трудным? — спросил Маколпин, показывая стертые в кровь ладони. — Карабкаться шестьдесят футов по тонкой веревке.

— Проще простого, — отмахнулся Холден.

— Для тебя, может быть, и просто, поскольку ты на несколько поколений ближе к

обезьянам, — выдал ему Маколпин.

Холден пренебрежительно пожал плечами. Иного отношения слова Маколпина не заслуживали.

— Странно, что тебе нечего сказать, — неожиданно выдал ему вечный молчун Казазола.

Вся масса пленных, как обычно тянувшихся за утренней порцией тюремного варева, незримо делилась на две части: знавших о грядущем спектакле и тех, кто ничего не подозревал о нем. Значительная часть пленных должна была до самого начала оставаться в неведении — тогда их искреннее поведение сделает «пьесу» более правдоподобной. Так решил генерал Парта.

Кто-то уже заканчивал хлебать варево, кто-то лишь усаживался с миской на шершавый бетон двора, а кто-то топтался в тающих очередях к кухонному барaku. Все как всегда. Самые медлительные еще вычерпывали из мисок остатки, когда гвард-майор Словиц поднес к губам свисток.

Не прошло и нескольких секунд, как в разных концах двора восемьдесят пленных, попытавшихся встать, вдруг повалились наземь. Они корчились, стонали, исторгая из перекошенных губ клочья пены. Толпа, бредущая к воротам, замерла и во все глаза глядела на странную картину. У ворот четверо откормленных охранников с ужасом и отвращением смотрели на извивавшегося возле их ног стамита. Он выворачивался с гибкостью циркового акробата. Можно было подумать, что в животе у несчастного поселилась тысяча чертей.

Охранники растерялись. Ни в одном их уставе не говорилось, как надо действовать, если ни с того ни с сего почти сотня пленных вдруг начинает корчиться в судорогах и изрыгать пену. А добросовестные актеры будто состязались между собой: кто сумеет выпустить больше мыльной пены, громче стонать и сильнее биться об пол.

Пленные, не знавшие о спектакле, толпились, словно стадо испуганных овец, и с опаской ждали, что и их постигнет та же участь. Немало охранников оказались зажатыми взбудораженной толпой и яростно распахивали пленных, пробираясь к начальству. Но это было не так-то просто: вокруг них падали, преграждая путь, все новые алюэзинцы и стамиты. Толпа давила и напирала, потому что пленные инстинктивно стремились отбежать от очередной жертвы.

Какой-то стамит вдруг истошно завопил, уцепился длинными костлявыми руками за ближайшего охранника и щедро запачкал пеной форменные брюки и сапоги последнего. Кастанец успел лишь взмахнуть плеткой, но ему было не до удара. Он поспешил как можно быстрее убраться из опасного места.

Словиц грузно протопал в штабной корпус и вскоре вышел оттуда вместе с начальником тюрьмы. Шестнадцать алюэзинцев тут же постарались изо всех сил угодить высокому начальству, распластавшись у них на пути и дико закатив свои оранжевые глаза.

Заметив, что во дворе появился сам Фестерхед, еще две сотни пленных попадали на пол, внося щедрую добавку к уже царившей неразберихе. Охранники выкрикивали приказы, которые тонули в общем гвалте. Фестерхед орал на охранников и размахивал руками. Словиц десять раз подряд дунул в свой свисток.

Тайные сигналы подали и пленные офицеры, поскольку число «жертв неведомой эпидемии» снова возросло. Кое-кто так переусердствовал, что проглотил мыло, и пена сменилась настоящей рвотой.

Пленных, не знавших о спектакле, охватила паника. По толпе со скоростью лесного пожара распространился слух, что эта неведомая болезнь называется «черная смерть» и очень заразна. Бедняги опрометью бросились к открытым воротам.

Четверо охранников не растерялись и буквально перед носом у бегущих захлопнули ворота.

Тогда толпа устремилась к тюремным корпусам, ища спасение за ненавистными стенами. Пленные сотней живых ручейков текли по двору, огибая распластанные и скрюченные тела. Среди бегущих находились и участники замысла. Им было приказано приберечь свое искусство, дабы создать еще большую сутолоку в дверях и на лестницах.

На дворе оставалось не менее тысячи актеров, продолжавших кричать, стонать, лихорадочно держаться за животы, хриплыми голосами призывать смерть и всячески показывать, что они находятся на последнем издыхании. Алюзинцы и стамиты старались превзойти друг друга, являя кастанцам сцены адских мучений. Со стороны тюремный двор казался самым сумасшедшим из всех сумасшедших домов галактики. Оглушительный гвалт поглощал все прочие звуки.

Фестерхед и его подчиненные откровенно опешили, пораженные масштабом и силой увиденного. Сбившись в кучку возле штабного корпуса, они сердито пялились на заплеванный и заблеванный двор, но ничего не могли поделать. Происходящее не было ни бунтом, ни каким-либо иным проявлением неповиновения. Оно было чем-то невиданным и неслыханным и не имело ни прецедентов, ни объяснений. Самое скверное — ни один кастанский устав, предписание и инструкция не говорили, как действовать в подобных обстоятельствах.

Какой-то стамит, втайне гордившийся своим актерским талантом, подполз на четвереньках к гвард-майору Словицу, высунул фиолетовый язык и прохрипел:

— Воды! Умоляю, дайте воды.

Охранник, стоявший рядом со Словицем, отвел ногу, и вместо воды просящий получил сильный удар сапогом в зубы. Стамит откатился вбок, выплюнул кровь и опять застонал, теперь уже от настоящей боли. Несколько сотен его соплеменников, принимавших участие в спектакле и видевших расправу, хорошенько запомнили этого кастанца. Тот, ни о чем не подозревая, собрался ударить пленного еще раз.

— Что ты делаешь, идиот? — зарычал на него Фестерхед. — Думаешь, после твоих пинков он сразу поправится и пойдет работать?

Охранник быстро ретировался за спины товарищей и оттуда угрюмо поглядывал на покалеченного стамита.

— Где Мачимбар? — сердито спросил у Словица Фестерхед.

— Если это не огорчит вас, командир, он сегодня отсутствует, — сообщил Словиц.

— Конечно, это меня безумно обрадует. Его нет, когда он должен быть.

Ситуация не оставляла Фестерхеду много времени на раздумья.

— Необходимо что-то делать. Не пройдет и часа, как штаб начнет дергать нас и требовать ответа, почему наши отряды не вышли на работу.

— Вы правы, командир. Каковы ваши распоряжения?

— Пошли по дюжине солдат в каждый из корпусов. Пусть сгонят во двор всех здоровых и заставят унести больных. После этого всем здоровым построиться во дворе. Выберешь из их числа тех, кто хоть что-то смыслит в медицине, а остальных — мигом на работу.

— Будет исполнено, командир.

Словиц отдал честь, повернулся к своим подчиненным, сорвал на них свое раздражение, после чего передал приказ. Четыре группы кастанских солдат спешно бросились к тюремным корпусам.

Как и было приказано, здоровые вышли во двор, подхватили «больных» и понесли их в камеры. Это заняло немало времени, поскольку то здесь, то там пленные, несшие своих товарищей, вдруг падали и их самих тоже приходилось нести. В одной камере «заболели» все двадцать алюзинцев, и угрюмым стами-там досталось тащить их до самых коек.

Наконец все здоровые выстроились во дворе. Здоровыми считались те, кто был в состоянии держаться на ногах. Не успел гвард-майор Словиц раскрыть рот, как еще два десятка здоровых повторили знакомый спектакль. Он был вынужден дожидаться, пока их унесут. По пути пятеро носильщиков быстро сообразили, что ехать на чужих плечах легче, чем самим быть тягловой силой, и тоже грохнулись, исторгая пену.

Терпение Словица иссякло. Тыча своим мясистым пальцем в направлении тех, кто еще стоял на ногах, он прогремел:

— Всем бывшим врачам, хирургам, санитарам и имеющим какую-либо медицинскую специальность — шесть шагов вперед.

Фоули, нарочито громко отсчитывая шаги, двинулся вперед. Сделав шестой шаг, он замер.

Восемь алюэзинцев и одиннадцать стамитов, подражая ему, тоже считали шаги вслух. На последнем шаге двое из них, словно по незримому сигналу, упали и забились в судорогах.

Фестерхед злобно поглядел на них и поморщился.

— Идите за мной, — рявкнул он остальным.

Восемнадцать пленных послушно направились за ним. По дороге трое решили предпочесть койку работе под началом Фес-терхеда и самым беззастенчивым образом дезертировали на пол. Еще четверо последовали их примеру, пока стояли у дверей штабного корпуса и слушали неразборчивые обрывки телефонного разговора, который вел начальник тюрьмы.

Обстановка возле тюремных ворот была не лучше. Длинные цепочки пленных тащились на работу, гремя пустыми мисками и ложками. По бетону шуршали подошвы стоптанной рваной обуви. Примерно через каждые пятьдесят ярдов все останавливались. Очередного упавшего подхватывали на руки и тащили обратно. Еще пятьдесят ярдов — и история повторялась.

На этот раз конвойные не орали, не сыпали ругательствами и не взмахивали своими плетками. Они шли чуть поодаль, вяло понукали пленных и с полнейшим безразличием взирали на редующие ряды. По их мнению, эпидемия была заботой начальства. Вот пусть начальство и дергается, а они дергаться не собираются. Разве им платят за дерганье? То-то и оно.

Фестерхед швырнул трубку, вышел во двор и свирепо поглядел на медицинский отряд, насчитывавший теперь одиннадцать пленных.

— Вы остаетесь в корпусах ухаживать за больными. Я требую, чтобы они как можно раньше вернулись на работу. Если вы не справитесь, то будете наказаны.

Фестерхед выразительно поглядел на каждого из одиннадцати.

— Сурово наказаны, — добавил он.

— Если мы не справимся, последствия будут еще суровее вашего наказания, — с ледяным спокойствием заявил Фоули. — Эпидемия подкосит всех, включая и кастанцев.

— Потому вам и приказано остановить ее.

— Чем? — дерзко спросил Фоули. — У нас нет абсолютно никаких лекарств. Даже простейших.

— Я своей властью разрешаю вам пользоваться всем, что есть в больнице, — отрезал Фестерхед.

— А если доктор Мачимбар запретит нам это делать?

— Не посмеет, — возразил Фестерхед. — Пока что начальником тюрьмы являюсь я, и мои приказы обязательны для всех. Берите все, что найдете в больнице, но только как можно быстрее поставьте пленных на ноги.

Уходя он обернулся и выразительно добавил:

— Или вам же будет хуже.

Одному из слушавших его стамитов сразу же стало хуже. Он повалился на спину и скрючился, словно пытался ногами достать собственные уши.

Холден расхаживал по камере, поглядывая на звездное небо за окном, и рассуждал вслух:

— Зрелище, конечно, было впечатляющим, но господа актеры слишком уж переигрывали. На Земле этот трюк у них бы не прошел; там тюремную охрану не одурачишь. Там охранники мигом взяли бы в руки шланги, повернули кранчики и произошло бы массовое чудесное исцеление.

— А откуда ты так подробно знаком с особенностями земных тюрем? — любопытствовал Олпин Маколпин.

— Значит, знаком, если говорю.

— Я не оспариваю твоих знаний. Держу пари, когда-то ты постигал их на практике.

— Хватит трепотни, — оборвал их Уордл. — Слышите? Парта и его герои уже здесь.

Первым в камеру вошел Шеминэ, беспечно поигрывая связкой надфилей. За ним показались генерал Парта и еще двадцать стамитов и алюэзинцев. Земляне подвинулись, освобождая для соратников места на койках. Невдалеке лениво протопал часовой, равнодушный ко всему, что творилось за стенами камер. Даже к готовящемуся восстанию.

Первым заговорил Уордл.

— Возможно, вы знаете, что сегодня, во время работы в лесу, двадцать один пленный поменялся местами с пленными из соседней тюрьмы. Чтобы о наших замыслах узнали во всех близлежащих тюрьмах, кому-то из пленных придется еще дважды или трижды занять место в чужих отрядах.

Уордл остановил взгляд на генерале.

— Двадцать один пленный — это мало. Нам нужно вдвое больше. Вы можете найти новых добровольцев?

— После сегодняшнего представления, — слегка улыбнувшись, ответил Парта, — думаю, что недостатка в добровольцах не будет.

— Нам удалось узнать, — продолжал Уордл, — что вокруг, в пределах одного дня пути отсюда, находится двенадцать тюрем. Семь из них — совсем близко, почти рядом. Я предлагаю послать туда наших агитаторов. Пусть их будет больше на случай, если им каким-то образом удастся проникнуть в остальные пять тюрем.

— Стоит попробовать, — согласился Парта. — Армия в сто двадцать тысяч бойцов лучше семидесятитысячной. Я слышал, что на Гатине сорок действующих тюрем и еще несколько недостроенных, в которых, возможно, уже содержатся те, кто попал в плен совсем недавно. Если бы смогли распространить свое влияние на всю планету!

— Я думал об этом, — сказал Уордл. — Остальные тюрьмы находятся далеко отсюда, едва ли не на другом конце планеты. Мы могли бы установить связь и с ними, но это потребовало бы немало времени и усилий, а время сейчас особенно дорого. Если мы поднимем восстание в этой части Гатина и захватим достаточное количество оружия, тогда мы сумеем освободить и пленных других тюрем. Постепенно, бросая против кастанцев все более крупные силы.

— Единственная цель захвата тюрем — это освобождение пленных и укрепление гатинской армии, — немного подумав, возразил ему генерал. — Я прав?

— Да.

— Существует значительная разница между пленными, уже знакомыми с идеей освобождения, и теми, кто никогда не слышал об этом и даже не в состоянии вообразить себе подобное.

В первом случае это потенциальные воины, полные новых надежд и горящие желанием сражаться. Во втором — толпа ошалелых рабов, не знающих, что делать с внезапно свалившейся на них свободой.

— А как по-вашему, сколько времени понадобится ошалелому рабу, чтобы превратиться в воина и сражаться с кастанцами? — спросил Уордл.

— Я могу говорить лишь о себе, — искренне ответил Парта. — Мне понадобилось много, очень много времени.

— Это потому, что вы — генерал. Вас учили быть по-военному точным и смотреть на все с позиций личной ответственности. У младших офицеров и солдат иные взгляды. Дайте им в руки оружие, скажите им, что они — гатинцы и что, сбросив власть кастанцев, они восстановят свою честь... Думаю, им хватит двух минут, чтобы все понять и начать стрелять по врагам, — с воодушевлением закончил Уордл.

— Надеюсь, вы правы, — осторожно сказал генерал.

— Подождите еще немного, и вы в этом убедитесь. Кто сегодня утром бесподобно разыграл этот спектакль? Обыкновенные солдаты. Поверьте, офицер не решился бы выплеснуть пену на сияющие сапоги охранника.

Чувствовалось, эти слова неприятно задели Парту.

— Давайте не будем строить догадки. Сегодня мы видели лишь спектакль. Скоро придет черед настоящих испытаний. А сейчас нам нужно решить один чрезвычайно важный вопрос.

Уордл встал напротив генерала и отчеканил:

— Когда наступит время решительных действий, у нас будет две возможности получить оружие.

— Две?

— Да. И вам решать, какую из них выбрать.

— Почему мне?

— Потому что в данный момент вы — единственный генерал, находящийся на действительной службе в вооруженных силах Гатинской Республики. Вы и главнокомандующий, и официальный представитель государства.

— Понимаю. Назовите мне эти возможности.

— Оперативные силы землян могут снабдить оружием, боеприпасами и всем необходимым пленных в тех тюрьмах, где все готово к сражению. Они также могут сбросить десант и специально обученные части для захвата близлежащих гарнизонов, арсеналов и стратегически важных точек.

Уордл сделал паузу, давая генералу время осмыслить услышанное.

— Я назвал первую возможность. Вторая: Гатинская Республика будет воевать самостоятельно и победит силой оружия, захваченного у врага.

Парта встал, выпрямился и опустил руки по швам.

— Это сражение будет тяжелее, потери — намного больше, но мы предпочитаем бороться своими руками.

Алюэзинцы и стамиты за его спиной одобрительно зашептались.

— Мы так и думали, — улыбнулся Уордл. — Как считали на Земле, сорок против одного, что вы примете именно такое решение. Сама идея Гатинской Республики строилась на предположении, что каждое разумное существо обладает чувством собственного достоинства. Мыслящее существо способно защищать это чувство и самостоятельно восстанавливать его, если вдруг временно утратит.

Уордл снова улыбнулся.

— Поэтому Земля просит вас об одной услуге.

— Услуге? — недоуменно переспросил генерал.

— Мы просим, чтобы Гатинская Республика нанесла свой первый удар по врагу в наиболее благоприятное для нас время.

— Потому что у вас есть более обширные замыслы?

— Верно. Основная стратегия космической войны заключается в обнаружении и перехвате вражеского военно-космического флота. Космические просторы настолько обширны, а скорость кораблей столь велика, что десятисекундное запаздывание сигнала на корабельном радаре оборачивается промахом в сто тысяч миль.

— И чем это чревато?

— В данном случае тем, что восстание на Гатине заставит кастанцев как можно быстрее перебросить сюда основную часть своего военно-космического флота. Можно понять их опасения: Гатин всего в двенадцати днях полета от их родной Касты.

Похоже, Уордл никогда не расточал столько улыбок, как в этот вечер. Он в очередной раз улыбнулся и продолжал:

— Земля высоко оценит дружественный шаг Гатинской Республики, если вы отложите начало восстания до того момента, когда наши силы займут удобные позиции для перехвата кастанского военно-космического флота.

— И сколько времени понадобится вашим кораблям?

— После получения сигнала с координатами Гатина — не более восьми суток.

— Но может пройти целый месяц, прежде чем ваши люди поймут сигнал, — посетовал генерал. — Или даже два, а то и три месяца.

— Так было бы, если бы сигнал пришел неожиданно, — успокоил его Уордл. — Там знают, что рано или поздно маяк обязательно заработает, и потому постоянно ищут его. Маяк будет обнаружен в результате систематических поисков, а не по счастливой случайности. Сигнал может быть принят в любое время. Возможно, его уже приняли.

— Хорошо. Мы согласны ударить тогда, когда это наиболее выгодно для вашего флота. Есть еще вопросы?

— Всего один. Врачи должны сделать вид, что им удастся справиться с «мыльной эпидемией». Но нельзя играть по правилам кастанцев. То есть нельзя «вылечивать» всех и каждого. Завтра число участников этого спектакля целесообразно уменьшить до двухсот или трехсот и поддерживать такой уровень, пока все пленные не перебивают в шкуре актеров. Фоули сумеет объяснить Фестерхеду, что он держит неведомую болезнь под контролем, однако бессилён полностью остановить ее.

— Так мы и сделаем, — пообещал Парта, — Пленники получают психологическое удовлетворение от «мыльного бунта», поэтому нельзя лишать их такой возможности. Я распорядюсь, чтобы число новых участников не превышало разумных пределов.

— Пусть также ваши врачи целиком и полностью поддержат Фоули, когда ему придется спорить с Фестерхедом, — добавил Уордл. — Фоули хочет все свалить на скверную и скудную еду. Этот диагноз должен быть единым. Трудно сказать, повлияет ли это на качество пойла, которым нас кормят. Возможно — да, возможно — нет, но попробовать надо.

— Я передам это врачам.

Генерал облизал тонкие губы при мысли о нескольких корках хлеба в дополнение к опостылевшему вареву.

— Ослабленным гатинцам придется воевать против перекормленных кастанцев. Кроме мужества и оружия нам не помешают и физические силы. Даже скромное увеличение обычного рациона — это уже большой шаг к победе.

— Вы сделали тысячу шагов, перестав быть рабами и превратившись в бойцов. Осталось менее сотни шагов. И вы сделаете их, даже если придется ползти, а в животе будет урчать от голода.

— Да, сделаем, — с решимостью произнес Парта.

Совещание окончилось. Генерал и члены военного совета направились вслед за Шеминэ к двери.

Дверь закрылась. По парапету в сторону камеры топал часовой, сонно пялясь на джунгли и ночное небо.

— Пока все вдет как нельзя лучше, — сказал Холден, — И вдет напрямиком к массовому истреблению кастанцев толпой помешавшихся от супа гатинцев.

Уордл устало вытянулся на койке.

— Дай мне поспать. Я хочу, чтобы мне приснился внушительный кусок жареного мяса с гарниром из тушеных молодых грибочков.

Он закрыл глаза и стал погружаться в дремоту. От мысли о жареном мясе у Холдена потекли слюнки. Немного полежав, Холден вскочил, растолкал Уордла и спросил:

— Тебе не стыдно? Сам храпишь, а я на слюну исхожу.

— Убирайся ко всем чертям вместе со своей слюной! — завопил взбешенный Уордл.

Часовой на парапете резко остановился, повернул голову в сторону открытого окна и крикнул:

— *Фошам губич!*

Холден подошел к окну и крикнул в ответ:

— Слышал, что велел наставник? Убирайся ко всем чертям вместе со своей слюной!

— Прекратить разговоры на вашем языке! — прорычал толстый часовой и скорчил угрожающую гримасу. — Положено спать.

— Угу, — согласился Холден. — Вообще-то это мысль.

Он добрался до койки, завернулся в одеяло и вскоре громогласно захрапел.

Время еле тянулось. Прошло тринадцать дней. Ежедневное число жертв «мылоглотаия и пенопускания», как изволил выразиться Холден, снизилось до восьмидесяти. Фестерхед мало-помалу успокоился. Начальник больницы Мачимбар продолжал с царственным безразличием взирать на пленных, однако разрешил Фоули и остальным врачам свободный доступ в больницу.

Радиомаяк исправно работал круглые сутки. То ли кастанцы до сих пор не догадывались о его существовании, то ли все-таки обнаружили и теперь выясняли, кем и когда он установлен. Этого не знал никто. Генерал Парта и его соратники почему-то придерживались второй точки зрения, и их мрачные предчувствия с каждым днем становились все сильнее.

За эти дни сто сорок стамитов и алюэзинцев сумели поменяться местами с пленными из других лесных отрядов. Посланцы генерала Парты проникли во все семь ближних тюрем, а также в три из пяти дальних. Их усилия принесли отличные результаты. Все десять тюрем безоговорочно приняли идею восстания и создания независимой республики. Стоит ли говорить, что и там вспыхнули «мыльные эпидемии», поддерживающие в пленных боевой настрой и помогающие скрашивать время ожидания.

Людовик Пай лежал с открытыми глазами, разглядывая узор звезд, светивших в окна камеры. Он мысленно считал минуты до момента, когда его сменит Казазола. Думать ни о чем не хотелось. Пай ерзал на койке, потягивался и зевал от скуки.

Со стороны койки Холдена донеслось слабое попискивание.

Пай насторожился, сел на постели и стал вслушиваться.

Попискивание продолжалось.

Пай вскочил, подбежал к койке Холдена, пошарил в кармане его куртки и достал карманные часы. Он положил часы на ладонь, откинул крышку. Потом он стал медленно поворачивать их на ладони. Попискивание ослабло, прекратилось, появилось снова. Теперь сигналы звучали настолько громко, что разбудили всех шестерых землян.

Пи-пип, пиипи-пип.

— Ура! — крикнул Уордл.

Он радостно потирал руки.

— Они на полпути отсюда. Теперь наши будут повторять сигналы, пока не убедятся, что мы их приняли.

Все семеро сидели и внимательно слушали незатейливые сигналы, доносящиеся из псевдочасов. Попискивание длилось десять минут, прервалось на одну минуту и зазвучало снова.

— Может, дать им подтверждение прямо сейчас? — предложил возбужденный Олпин Маколпин, — Я бы пробрался к маяку.

— Рисковать понапрасну мы не будем, — решил Уордл — Завтра я сделаю это сам во время работы. Надо на минуту выключить маяк, потом на минуту включить, и так двенадцать раз подряд. Я правильно помню твои слова?

— Правильно. Это самый простой и надежный способ показать нашим, что мы их услышали.

— Вот я и займусь этим. Чтобы щелкать тумблером, не надо быть радиоинженером.

— Они появятся на орбите Гатина через пять дней, перед рассветом, — сообщил Пай, продолжая вслушиваться в попискивание, — Даже раньше, чем мы предполагали.

— Это не имеет значения. Все равно они не предпримут никаких действий, пока не получат от нас ответного сигнала, — ответил Уордл. — Утром я подам им этот сигнал. Думаю, за пять дней мы вполне управимся. Да и пора возвращаться на Землю. Не знаю, как вы, мальчики, я вдоволь нагостился.

— Я тоже, — с жаром подтвердил Пай.

Холден, обойденный природой по части музыкального слуха, гнусаво затынул:

— «О дом родной, мне дверь открой, к тебе вернулся я...»

Со стороны окон послышался окрик кастанского часового.

Слов, разумеется, никто не понимал, но по тону Фоули заключил, что у парня явно не все в порядке с печенью.

Подойдя к окну, Холден высунул голову и издевательски-смирненным голосом сказал:

— Не надо засорять нам уши своим вшивым языком. Иди-ка лучше прогуляйся.

Дав совет кастанцу, Холден вернулся на койку.

Часы с защелкнутой крышкой вернулись к нему в карман. А сигналы все шли и шли, наполняя собой предрассветную мглу камеры. Через пять дней, всего через пять дней.

Вечером последнего дня все едва не сорвалось. Десять тысяч пленных с наигранным безразличием сидели или слонялись по двору. Не было никаких внешних намеков на готовящееся восстание. Напряженность, владевшая пленными, была незримой, но ощутимой и осязаемой.

Как и тогда, охранники инстинктивно, шестым чувством, уловили что-то неладное. Движения их стали более суетливыми и нервными. Кастанцы сбивались в группки, держа пальцы на курке или вблизи курка. Однако сознание кастанцев не допускало, что угроза может исходить от массы пленных. Нет, каждый ждал ее извне или с небес.

Генерал Парта подошел к Уордлу и сказал:

— Наши бойцы держатся прекрасно, но все равно кастанцы что-то чувствуют. Может, будет лучше, если мы покинем двор и разойдемся по камерам?

— Это будет слишком заметным и только усилит подозрения кастанцев, — возразил Уордл. — Пленные всегда ценили этот жалкий кусочек свободы, когда можно потолкаться

среди своих и поговорить. До сих пор они старались урвать каждую минуту. И вдруг — неожиданная готовность отправиться под замок? Тут даже слабоумный насторожится.

— Мне понятен ваш довод. Но до отбоя остается еще целый час. Я опасаясь, что всегда могут найтись один-два пленных, у которых от ожидания сдадут нервы, и они наделают глупостей.

— Не думаю, чтобы такой выплеск повредил нашим планам, — сказал Уордл. — Кастанцы привыкли, что время от времени кто-то из пленных делает глупости. Вы лучше меня знаете, сколько пленных за эти четыре года добровольно расстались с жизнью и сколько из них спровоцировали охранников, чтобы получить желанную пулю.

Парта нахмурился, но промолчал.

— Час есть час, — закончил Уордл — Хотим мы или нет, но его нужно провести здесь, во дворе.

Уордл проводил взглядом уходящего генерала, затем прислонился к стене и перевел глаза на арсенал. Там за массивными стальными дверями лежали сокровища, которыми они должны завладеть. Открытое нападение на арсенал или на караульное помещение у ворот навлекло бы на нападающих убийственный шквал огня со всего периметра внешней стены. На ее парапете сосредоточено двадцать два охранника. Значит, вначале нужно обезвредить охрану парапета. Задача не из легких, требующая вдобавок точнейшего расчета времени.

Уордл снова мысленно перебирал давным-давно согласованные детали общей схемы восстания. Он даже не заметил, как прошел этот час и пленным велели расходиться по корпусам. Уордл понимал, каких трудов им стоит играть роль прежних пленных, лениво плетущихся в камеры. Стамитам с их врожденной мрачностью эта роль давалась легче, чем импульсивным алюэзинцам.

Впереди — длинная ночь. Ночь последних приготовлений. Щелкнули замки камер, охранники покинули тюремные корпуса и направились к себе в казарму. Не успели последние из них скрыться из виду, как Шеминэ принялся за дело. В течение трех часов ему предстояло открыть немало дверей, и он решил не мешкать.

— С твоей стороны все готово? — спросил у Холдена Уордл.

— Все, что можно было сделать. Дареут поведет отряд каменщиков к мусорной яме. Там у нас спрятано сорок старых консервных банок, начиненных аламитом и снабженных детонаторами.

Холден печально вздохнул.

— Жаль, не удалось устроить что-нибудь посолиднее. В каменоломнях я видел великолепную стальную бочку. Если бы мы смогли протащить ее внутрь, кастанцы вылетели бы прямо в космос.

Уордл неопределенно пожал плечами, лег и натянул на себя одеяло.

— Попробую немного уснуть.

— Неужели ты заснешь? В такое время? — удивился Пай.

— Я не говорил, что засну. Попытаюсь.

Уордл закрыл глаза. В камере стало тихо. Сон не приходил ни к кому.

Кончилось тем, что Уордл занял позицию у окна и стал следить за обходами часовых, нетерпеливо считая минуты. Он то и дело поднимал глаза к небу и смотрел на мигающие звезды. Где-то в вышине, далеко отсюда, затаилось в засаде множество черных остроносых кораблей Космического Союза. Уордл знал: они там, они тоже ждут. От этой мысли ему становилось спокойнее.

За десять минут до начала операции все земляне стояли возле окон. Пропустив часового,

они открыли окно и спустили вниз веревку. Холден влез на косяк и схватился за веревку, готовый скользнуть вниз.

На самом краю он задержался, улыбнулся товарищам и излишне громко продекламировал:

— Шатай-Болтай висел на стене, Шатай-Болтай свалился во сне!

— Тише! — зашипел на него Уордл. — Спускайся, дуралей!

Уордл беспокойно глянул в сторону парапета. К счастью, часовой удалялся и не думал возвращаться на крик.

Холден исчез во тьме двора. Когда веревка перестала подрагивать, ее втянули обратно. Выглянув вниз, они с трудом различили фигуру Холдена, бегущего к внешней стене.

— Готовность — две минуты, — предупредил Уордл.

Взяв арбалеты, они до предела натянули пружины, вложили в желоба стрелы и замерли у окон. Происходившее в камере землян повторялось во всех камерах шестых этажей, выходящих окнами на стену. Внизу мелькали фигуры, бегущие к стене, а в камерах возле окон замирали стрелки с арбалетами в руках. Ночь была темнее, чем обычно, и потому освещение парапета казалось ярче.

Часовой шел в обратном направлении. Он двигался еле-еле, будто во сне. Тем, чьи нервы, как и арбалетные пружины, были натянуты до предела, представлялось, что часовой идет со скоростью одного шага в минуту.

— Если кто выстрелит раньше времени, шею сломаю, — шепотом предупредил Уордл. — Нужно, чтобы винтовка этого охламона упала внутрь, а не на парапет и не по ту сторону стены.

— Можешь не волноваться, — с ледяным спокойствием ответил Пай.

Часовой уже был напротив их окон. Внизу в руках у Холдена загремела жестянка. Часовой остановился, озираясь по сторонам. Холден выдал новую порцию звуков. Кастанец сдернул с плеча автоматическую винтовку, схватил ее в правую руку, наклонился и стал вглядываться, пытаясь засечь источник шума.

— Пора!

— *Вун!* — ответили шесть арбалетов.

Землян охватил ужас: охранник продолжал стоять и вглядываться вниз. Неужели промахнулись? Прошла секунда-другая, и кастанец без малейшего крика рухнул вниз. Шипы словно не хотели его отпускать. Они порвали ему штанины, захватили в плен один сапог, но и это не помогло. Сила тяготения оказалась сильнее. Первой с металлическим лязгом упала винтовка. Вслед за ней с глухим стуком упало тело. Послышался хруст костей, не выдержавших соприкосновения с бетоном.

Откуда-то слева с парапета доносились судорожные стоны. С другой стороны тюрьмы слышались предсмертные крики еще одного кастанца. Потом заговорил легкий пулемет (возможно, кричавший его выронил), и властное *татата-татата* положило конец крикам.

Шестеро землян выбежали из камеры, намереваясь поскорее выбраться во двор и присоединиться к Холдену. Но лестница была плотно запружена пленными. Толкаясь и чуть не падая, вниз неслась целая толпа стамитов. На каждом марше лестницы их поток заклинивало, и только напор сзади позволял им хоть как-то двигаться вперед. Алюэзинцам, бежавшим вслед за ними, тоже не терпелось скорее попасть во двор, и они пытались своим весом вытолкнуть всех, кто находился впереди. Землянам ничего не оставалось, как влиться в живую лаву этих неистовых великанов и просто ждать, когда она вынесет их наружу.

Во дворе уже находилось не менее тысячи пленных. Предвкушая скорую битву, они мчались к местам, заранее определенным командирами. Двумстам пленным из корпуса, стоявшего вблизи ворот, было приказано напасть на двенадцать караульных и резерв, спящий в караульном помещении. До ворот оставалось каких-то пятьдесят ярдов. Пленные бежали туда,

не встречая пока никакого сопротивления.

Уордл и его товарищи с тревогой глядели, как пленные из их корпуса неслись через двор к казармам охраны.

До ворот оставалось не более двадцати ярдов, когда дежурившие там охранники убедились, что им ничего не показалось и не почудилось. Но было слишком поздно. Высокий костлявый алюэзинец, бежавший впереди, взмахнул чем-то похожим на мяс-ницкий нож. Его целью был самый проворный из кастанцев. Тот успел сдернуть с плеча винтовку и положить палец на курок. Тесак со свистом рассек воздух, но охранник сумел пригнуться. Не прошло и минуты, как все двенадцать охранников были сметены яростной, жаждущей мести толпой, не успев сделать ни одного выстрела.

Еще одна внушительная группа пленных бежала в направлении мусорной ямы. Вслед за ними двигались бывшие военные инженеры и техники. Им было приказано захватить электростанцию и машинный парк. А из дверей тюремных корпусов во двор вливались новые группы пленных, торопясь занять предписанные места.

Двое кастанцев, охранявшие машинный парк, оказались более проворными и сообразительными, чем их соплеменники. Услышав шум и крики, каждый из них укрылся за тяжелым грузовиком и, пристроив винтовку на капот двигателя, открыл огонь. Их пули скосили девятерых пленных. *Тата-тата-тата*, — верещали винтовки, посылая в темноту кусочки смертоносного металла.

Нападавшим удалось зайти с тыла, карабкаясь на грузовики и проползая под ними. Стрелять по десяти направлениям одновременно кастанцы уже не могли. Пленные обступили их со всех сторон. Охранники попытались укрыться под машинами, но не успели. Арсенал пленных пополнился двумя винтовками, вырванными из мертвых рук.

Как развивались события в других частях двора, земляне уже не видели. У дверей казармы поток нападавших окружил их и увлек внутрь. Впереди бежали алюэзинцы, кошачьему зрению которых ничуть не мешала темнота в коридоре. Зато стамиты оказались не в лучшем положении, чем земляне. Они продвигались ощупью, постоянно спотыкались. Расталкивая стамитов, вперед понеслась новая группа алюэзинцев, торопясь примкнуть к своим.

Заметив сбоку узкую лестницу, Уордл поспешил воспользоваться ею и вырваться из общей давки. Он прошмыгнул к ступенькам и быстро побежал вверх. Сзади кто-то шумно сопел, поднимаясь вслед за ним. Обернувшись через плечо, Уордл увидел Фоули, а чуть ниже — неизвестно откуда выскочившего Холдена. Холден сжимал в руке автоматическую винтовку, у Фоули не было даже арбалета. Остальные четверо землян, должно быть, еще находились в толчее коридора.

Охранников, спавших на втором этаже, бесцеремонно разбудил шум и топот бегущих ног и в особенности звуки начавшейся внизу стычки. Как раз в тот момент, когда Уордл достиг второго этажа, из комнаты ему навстречу выскочил дюжий кастанец. Он был в одном нижнем белье, но успел прихватить автоматический револьвер.

Землянин уступал кастанцу в росте и весе, кастанец проигрывал ему в быстроте реакции. Трудно сказать, что именно ожидал увидеть охранник, выбежав на шум, но уж никак не мятежного коротышку-землянина. Кастанец оторопело разинул рот и упустил драгоценные секунды.

Уордлу они оченьгодились. Он успел со всей силой ударить кастанца в живот прикладом арбалета. Кастанец что-то хрюкнул и согнулся, опустив голову. Уордл, не мешкая, нанес ему второй, более сильный удар прямо по черепу. Охранник рухнул, как подбитый слон, заставив содрогнуться пол.

Отшвырнув ненужный теперь арбалет, Уордл наклонился и выхватил из рук охранника драгоценное оружие. Это было счастливейшим мгновением в его жизни. Впрочем, счастье могло оказаться недолгим. Десяток пуль, вылетевших из открытой двери, просвистели всего в нескольких дюймах над его спиной и ударились в противоположную стену. Уордл тут же распластался на полу и торопливо отполз из зоны огня.

— Не шевелись! — крикнул ему Холден.

Холден боком протиснулся мимо Фоули, осторожно подполз к двери, просунул внутрь дуло винтовки и выстрелил. Ответом ему был новый град пуль.

Находившиеся в комнате кастанцы отнюдь не желали сдаваться. Их винтовки хранились в арсенале, но у каждого имелся автоматический револьвер. Кастанцы были намерены сражаться, пока хватит сил и патронов. Плен казался им хуже смерти, поскольку означал рабство, позор и полную безнадежность. И вряд ли сейчас было подходящее время, чтобы пытаться переубедить этих упрямецев.

Возникла тупиковая ситуация. Земляне залегли снаружи, не решаясь ворваться в комнату, а кастанцы ждали внутри, не решаясь бросаться в атаку. Меж тем суматоха, продолжавшаяся на первом этаже, заставила и других пленных воспользоваться лестницей. Первым по ней поднялся возбужденный алюэзинец. В руках он торжественно нес большую ржавую банку, на которой было выведено: ИМФАТ НОГОЛИ 111. Смысл надписи для землян оставался загадкой.

— Давай ее сюда, — приказал ему Холден.

Он передал винтовку Фоули, а сам подхватил у алюэзинца банку. Взяв ее поудобнее, он размахнулся и швырнул алюэзин-ский подарок в комнату.

— Ложись!

Все вдавились в пол. Сила взрыва была такова, что в комнате вырвало раму. Пролетев ярдов двести, она накрыла собой стамит-ского полковника. Нападавшие устремились в комнату. Одиннадцать кастанцев разнесло на куски и размазало по стенам. По счастливой случайности их оружие уцелело.

Арсенал пленных пополнился одиннадцатью револьверами. Поддерживаемые с тыла бегущими по лестнице алюэзинцами и стамитами, земляне бросились в следующую комнату. Там они увидели двенадцать кроватей, на спинках которых висела аккуратно сложенная форма. Однако кастанцев внутри не было. Пустыми оказались и все остальные комнаты второго этажа.

Воодушевленные успехом, пленные бросились на третий этаж. Землян опять оттерли в сторону. Это спасло им жизнь, поскольку на третьем этаже нападавших встретила стена огня. Тела убитых покатались по ступеням, преграждая путь живым. Стамиты и алюэзинцы спешно оттаскивали погибших. Последовала новая атака. Результат был прежним.

Скорее всего, кастанцы из комнат второго этажа успели перебежать на третий и занять оборону. Должно быть, у какого-то офицера охраны хватило мозгов организовать отпор. И здесь у кастанцев имелись свои преимущества. В их казарме было восемь этажей и достаточно места для отступления. И за каждый этаж нападавшим придется платить все дороже и дороже.

Теперь ни у кого не оставалось сомнений: кастанцы умеют сражаться и будут биться до последнего. Захват тюрьмы обрастал непредвиденными трудностями.

Отыскав одного из алюэзинских офицеров, Уордл сказал ему:

— Гатинской армии нет пользы от мертвых гатинцев. Нужно отступить и поискать другой способ.

— Мы решили взять казарму, чего бы нам это ни стоило, — упрямо возразил офицер, — Там ведь находится основная часть кастанских охранников.

— Возможно, мы сумеем расправиться с ними более эффективным способом.

— Каким?

— Взорвем. При достаточном количестве взрывчатки они вылетят навстречу своим кораблям. Кстати, что происходит в других местах?

— Не имею ни малейшего представления, — признался офицер.

В следующую секунду альянзинец качнулся вперед, упал на Уордла и едва не опрокинул его на пол. Стены казармы закрипели и застонали, потолок покрылся трещинами, и оттуда посыпалась белая пыль, а пол заходил ходуном. В окно влетел искореженный кусок стали и, никого не задев, вылетел в противоположное окно. На верхних этажах зазвенели разбитые стекла.

— Двери арсенала! — воскликнул Уорда, — Теперь мы станем зубастыми.

Он выбежал во двор и направился к арсеналу. На полпути из темноты раздалась пулеметная очередь. Пули прошли выше. Уордл не остановился, но теперь он двигался зигзагами, не столько перебегая, сколько перепрыгивая с места на место. Больше по нему не стреляли.

Взорванные двери арсенала валялись на полу, смятые так, будто к ним прикоснулась рука сказочного великана. Пленные лихорадочно хватали оружие и убегали в темноту. Из арсенала показался Шеминэ. Вместе с двумя стамитами он выкатил тяжелый пулемет, установленный на двухколесной тележке.

— Внутри еще четыре таких игрушки, — сообщил Шеминэ.

Он сощурился и обвел глазами двор, часть которого выглядела подозрительно опустевшей.

— Охрану у ворот смели, как крошки со стола, а вот резерв держится до сих пор. Заперлись в караульном помещении. Оружия там хватает. Боеприпасов — тоже.

— Так это они пальнули по мне, когда я бежал сюда?

— Конечно. У них есть легкие пулеметы, а суммарный угол обстрела составляет не менее ста восьмидесяти градусов.

— Но теперь-то мы отомстим им за все, хунэ? — с мрачной радостью сказал стамит. — Мы их проучим, хунэ?

— У нас еще осталась взрывчатка? — спросил Уордл, не разделявший оптимизма стамита.

— Не больше десятка бочек этой серятины, что они натаскали из каменоломен, — ответил Шеминэ.

— Вполне хватит. Пойду-ка разыщу Холдена. Эго по его части.

Уорда направился туда, где оставался Холден. Он прикидывал в уме, хватит ли такого количества аламита. Со стороны караульного помещения вновь ударил пулемет. Ага, попал в его зону обстрела, подумал Уорда. Он метнулся в сторону и залег. Стрельба прекратилась. Уордл осторожно передвинулся вперед. Снова *татата-татата-татата*.

Пулеметчик явно обладал острым зрением, но не отличался терпением.

Пули ложились совсем близко от Уорда. Одна ударила в плечо куртки, вырвав оттуда кусочек материи. Вторая чиркнула по бетону всего в футах от его носа и отскочила, визжа как циркулярная пила.

Снова стало тихо. Уордл почувствовал, как у него вспотела спина. Он медленно поднял голову. Опять очередь, но на этот раз совсем короткая. Со двора ударила ответная очередь, мощнее и тяжелее. *Бабабабам-бабабабам-бабабабам* — гудел пулемет Шеминэ. Кастанский пулемет заглох, подавленный разрывными пулями.

Молодец Шеминэ, метко стреляет. Уордл только сейчас заметил, что уже рассвело и вокруг клубится легкий туман. Уордл вскочил и побежал. Вскоре он вернулся с Холденом. Тот осмотрел бочонки и заявил, что путь в космос для кастанцев обеспечен. Стамиты, не теряя времени, потащили смертоносный груз к дверям казармы, подняли на второй этаж и вкатили в центральную комнату.

Не зная, что именно происходит, кастанцы, засевшие на третьем и верхних этажах, не вмешивались. Они слышали доносящиеся снизу возбужденные голоса пленных и ждали новых атак.

Поручив алюэзинцам и стамитам не спускать глаз с лестницы, Холден стал готовить все необходимое для взрыва.

Уордл вернулся в казарму, ведя с собой пленного кастанца. То был один из охранников, уцелевший при захвате ворот. Кастанец безропотно смирился со своим положением раба, вынужденного безоговорочно подчиняться своим новым хозяевам.

— Сейчас ты поднимешься на третий этаж, — приказал ему Уордл, — Чтобы тебя не убили, сразу назовешь свое имя. Будешь говорить на своем языке. Скажешь всем, кто наверху, что они должны сдаться, иначе все они взлетят туда, откуда не возвращаются.

Кастанец, как и положено пленному, покорился. Ему даже в голову не пришло отказаться или схитрить. Земляне наглядно увидели, что происходит с чуждым им сознанием, когда меняются условия. Еще вчера он был хозяином, теперь превратился в раба — и никаких возражений. Кастанец послушно начал подниматься на третий этаж, предупреждая, чтобы не стреляли.

— Это Рифада. Не стреляйте. Я — Рифада.

Он добрался до третьего этажа и скрылся из виду. Стало тихо. Оставшиеся внизу напряженно вслушивались.

— Гвард-сержант Клинг! Мне приказано передать вам всем, чтобы вы немедленно сдались, иначе здание будет взорвано.

Стамиты и алюэзинцы, понимавшие кастанский язык, удовлетворенно кивали: не обманул.

— Что? Так ты — пленный у пленных? — Последовала еще одна пауза. — И он еще смеет являться сюда и предлагать нам разделить с ним позор плена? Нет, уж лучше смерть, чем бесчестье... Убейте его! — резким тоном приказал кто-то.

Гулко зазвучали выстрелы. С глухим стуком упало тело, прошитое пулями. Алюэзинцы и стамиты понимающе переглянулись: чего еще ждать от кастанцев? Это земляне могут надеяться на внезапную перемену в сознании.

Уордл сердито и в то же время с каким-то отчаянием махнул рукой.

— Хватит. Мы не можем их уговаривать. Пусть получают то, что выбрали сами.

Двое алюэзинцев остались возле лестницы, чтобы помешать обреченным кастанцам спастись бегством. Остальные бросились прочь, торопясь отбежать на безопасное расстояние. Холден направился к бочкам с аламитом и через несколько секунд выскочил оттуда, словно его огрели раскаленной кочергой. Алюэзинцы покинули свой пост и бросились следом.

Бывшие пленные, затаив дыхание, смотрели, что будет дальше. Здание продолжало стоять, освещенное лучами раннего солнца. Затем стены казармы словно лопнули по швам. Раздался чудовищный грохот, и здание развалилось. В небо взметнулся мощный столб почвы, пыли и дыма. Из него выплывали и падали вниз бесформенные обломки.

По загадочным причинам, всегда сопровождающим подобные взрывы, восемнадцать кастанцев уцелели. Ссадины, порезы и шоковое состояние были не в счет: главное, они остались в живых. Самым чумазым из всех оказался гвард-майор Словиц. Он выполз из-под обломков, ощупал себя и очумело завертел головой по сторонам.

Холден быстро привел его в чувство. Слегка ударив Словица в грудь, землянин сказал:

— Отныне твоя единственная цель в жизни — угождать мне. Это понятно?

— Да, — с готовностью произнес гвард-майор, проявив удивительную понятливость.

— И чтобы никогда, ни при каких обстоятельствах не злить меня.

— Конечно, — подтвердил Словиц, хорошо знавший правила игры и не отличавшийся упрямством некоторых своих соплеменников.

— А теперь ты построишь бывших охранников и без проволочек поведешь их вот туда. — Холден махнул рукой, указав направление, — Там ты обратишься к генералу Парте-ак-Ваиму с просьбой о немедленном зачислении тебя и всех остальных в армию Гатинской Республики.

Словиц наклонил голову и выпучил глаза. Его грузное тело немного покачивалось, а широкое, побелевшее лицо беспрестанно меняло выражение. Он шевелил губами, силясь что-то сказать, но язык его не слушался. Неожиданно глаза Словица закрылись, и он молча повалился на бетон.

— Что я вижу! — воскликнул удивленный Холден. — Большая обезьяна упала в обморок.

— Чего еще ждать от воина, который уже приготовился умереть, потом успел смириться с участью пленного, а теперь должен идти в армию своих прежних врагов? — спросил Уордл.

Через полчаса пал последний очаг сопротивления — караульное помещение у ворот. Двенадцать засевших там кастанцев отстреливались до последнего. Тюрьма оказалась в руках восставших, однако торжествовать победу было рано.

Над командным корпусом спешно водрузили синий флаг с белой звездой. Солдаты и офицеры гатинской армии отдали ему честь и приветствовали громкими криками. Санитарные отряды подбирали раненых и несли в больницу, где врачи делали все, что в их силах. Специальный отряд разыскивал среди погибших Фестерхеда и Мачимбара. Их нигде не нашли. Скорее всего, судьба улыбнулась им и увела из здания казармы.

Тысяча радостных и гордых гатинских воинов на трофейных грузовиках поспешили к соседней тюрьме. Вот когда пригодилась дорога, которую строили многие из них! Четыреста бойцов были вооружены автоматическими винтовками, еще четыреста — скорострельными револьверами, а двум сотням пришлось довольствоваться самодельными аламитовыми гранатами.

Они успели вовремя и сразу же включились в заключительный бой с кастанцами. И здесь кастанцы сражались с неистовством, предпочитая смерть пожизненному (как они думали) бесчестью. Триста семьдесят из них погибли в бою. Сорок восемь, очумевших не меньше Словица, пополнили ряды стремительно растущей гатинской армии.

Боевая колонна двинулась дальше. Ее численность выросла вдвое, но оружия по-прежнему на всех не хватало. По дороге к третьей тюрьме бойцы настигли машину, в которой ехали Фестерхед и Мачимбар. Те едва успели удивленно выпучить глаза. Несколько аламитовых фанат оставили от их машины фуду дымящихся обломков.

Вскоре третья и все остальные близлежащие тюрьмы оказались в руках восставших. После захвата десятой тюрьмы колонна бойцов разрослась до размеров армии, однако современное оружие было только у одного из семи.

Положение резко изменилось после налета на крупную военную базу кастанцев. Враги были застигнуты врасплох, и база пала. Дефицит вооружения перестал существовать, а ряды гатинской армии пополнились семьями кастанцами, едва успевшими оправиться от переворота в их сознании. Здесь же у гатинцев появилась своя артиллерия: десять передвижных зенитно-наземных батарей.

Следующую победу принесло нападение на плохо охраняемый аэродром кастанцев. Здесь трофеи были крупнее: четыре небольших космических крейсера с полной боевой оснасткой и шестьдесят два реактивных самолета. Бывшие художники спешно закрашивали на бортах двойные стрелы и рисовали белую звезду. Бывшие пилоты, штурманы, технические специалисты и стрелки быстро составили экипажи кораблей и стартовали для нанесения ударов

по другим вражеским аэродромам.

Электрики и связисты выводили из строя линии электропередач и прослушивали телефонные переговоры. Гатин был довольно большой планетой, и в других ее частях кастанцы даже не подозревали о случившемся. Их еще больше запутывали ложной информацией, а все полученные сведения постоянно стекались в штаб полевой разведки гатинской армии. Благодаря полетам самолетов-разведчиков командование знало обо всех передвижениях вражеских частей. Свой вклад вносили и радисты, которые на трофейном оборудовании занимались перехватом кастанских сообщений. Военные действия ширились и набирали силу, ибо воюющие четко сознавали, ради чего воюют.

В эти дни Уордл часто вспоминал о цепной реакции. Наверное, одних подходящих условий мало, думал он. Нужно что-то еще. Нужен переворот в сознании. Нужна захватывающая идея, иначе тюремный бунт никогда бы не перерос в войну за независимость.

На девятый день войны в небе над Гатином метеором пронесся охваченный пламенем космический корабль. Он прилетел оттуда, где среди мигающих звезд тоже шла война. С поверхности планеты она была похожа на вспышки падающих звезд. Корабль врезался в вершину холма, усеяв окрестности обломками расплавленного металла. На одном куске уцелела часть кастанской эмблемы — остр

ия двух белых стрел.

Той же ночью с неба упало еще одиннадцать пылающих кораблей, осветив местность на многие мили вокруг. Кому принадлежал первый из них, установить не удалось. Второй был кораблем землян — на его обгоревшем боку нашли изображение кометы. Остальные девять кораблей были кастанскими.

На десятый день Уордл и его товарищи тряслись и подпрыгивали в кузове военного грузовика. Грузовик был частью громадной армейской колонны, двигавшейся на юг. Войскам гатинцев предстояло пройти около тысячи миль. За рулем сидел бывший гвард-майор, а ныне майор гатинской армии Словиц. Только ему под силу было крутить здоровенное рулевое колесо и нажимать тяжелые педали кастанской машины. Неожиданная свобода и вновь обретенное чувство собственного достоинства так подействовали на Словица, что он стал, по словам Холдена, «наигатиннейшим из всех гатинцев».

Вряд ли земляне обратили бы внимание на стоявшую у обочины передвижную радиостанцию, если бы не отчаянные жесты алюэзинского сержанта. Словиц затормозил.

— Земляне! — обрадованно воскликнул сержант. — Какая удача, что я вас заметил. Вас хотят видеть в Лангазиме.

— Это же целый день трястись в обратном направлении, — поморщился Уордл. — Мы торопимся на юг. Сам знаешь, там предстоит серьезное сражение. А кому и зачем мы понадобились?

— Мы получили несколько сообщений. Требуют, чтобы вы немедленно ехали в Лангазим.

— Кто требует? — начал терять терпение Уордл.

— Там сел фрегат землян. Они рассказали, что вражеский флот понес серьезные потери. Поэтому наша окончательная победа на Гатине — лишь вопрос времени. Теперь Космический Союз собирает силы для нанесения удара по Касте.

— М-да. Не удивлюсь, если нам прикажут возвращаться домой.

Новость озадачила и даже где-то раздосадовала Уордла. Он стоял, не зная, что предпринять. Мимо проехал грузовик, таща за собой цистерну с паралитическим газом и устройство для его распыления. Над войсками пронеслись три реактивных самолета и, качнув крыльями, скрылись вдаль. На горизонте клубились струйки дыма. Там шел бой. Чуткое ухо Уордла различало

выстрелы винтовок, пулеметные очереди, уханье аламитовых бомб и свист снарядов крупнокалиберной артиллерии.

— Ладно, может, я ошибся и нам не придется покидать Гатин, — не слишком уверенно произнес Уордл. Он повернулся к Словицу: — Давай, майор, гони в Лангазим, и побыстрее.

На поле изрытого бомбовыми воронками космопорта в Лангазуме стоял фрегат. Капитан сбежал по трапу навстречу прибывшей семерке. Молодой, рослый, в безупречно сидящей на нем форме, он говорил тоном человека, уставшего от непредсказуемости начальства, но смирившегося со своей участью.

— С нашим командованием не соскучишься. Представляете, мой корабль вывели из боя и приказали сесть в этой дыре, чтобы найти и доставить группу, отправленную на какое-то спецзадание.

Капитан задержался взглядом на Казазоле.

— Надо полагать, вы и есть часть этой группы?

Казазола молчал.

— Мы и есть вся группа, — сообщил ему Холден.

Капитан нахмурился, подумав, будто его разыгрывают. Убедившись, что никакого розыгрыша здесь нет, он недоверчиво спросил:

— Неужели вас было всего семеро?

— Угу, — ухмыльнулся Холден. — Хорошо поработали, хунэ?

Обернувшись, Холден помахал рукой стоявшему поодаль

Словицу.

— Счастливо оставаться. Удачи тебе, Слобович.

— Словиц, — с необычайной вежливостью напомнил ему майор.